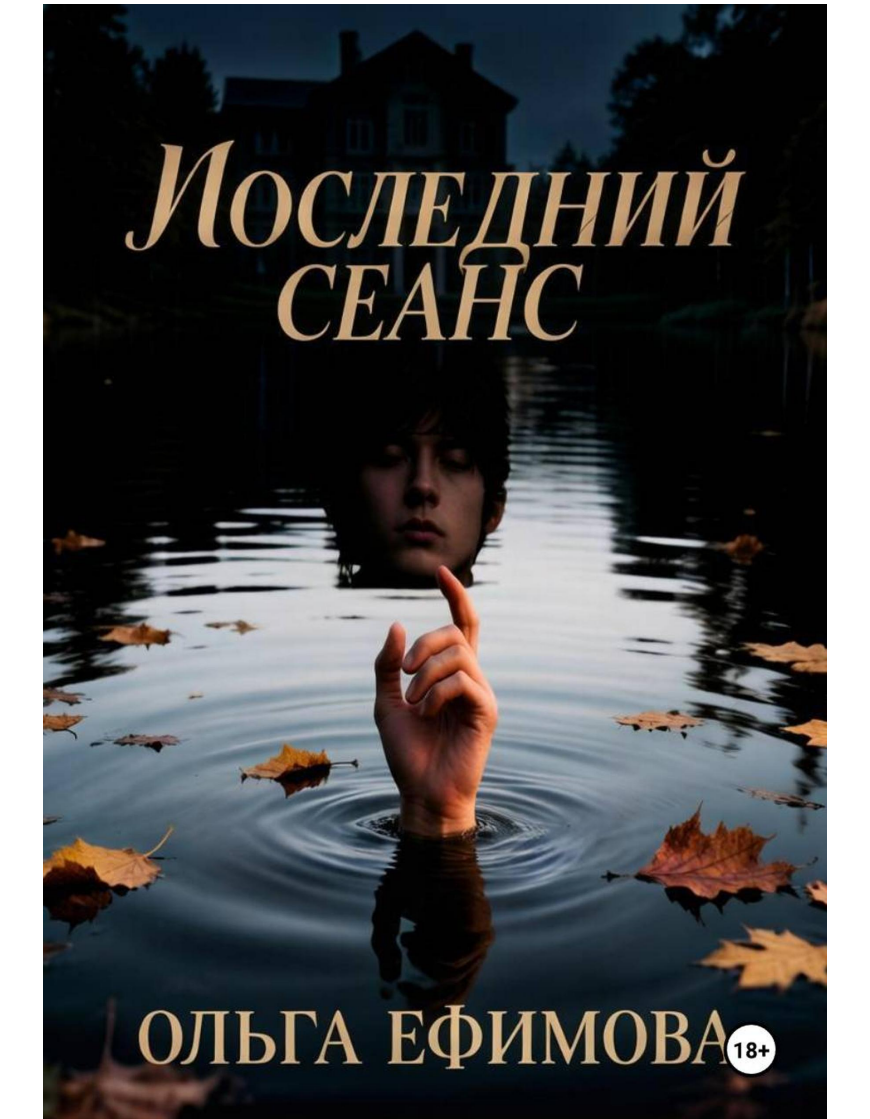

A man's face is partially submerged in dark water, with only his eyes, nose, and mouth visible. His right hand is raised from the water, with the index finger pointing upwards. The water is dark and still, reflecting the light. Several autumn leaves, mostly yellow and orange, are floating on the surface. In the background, a dark, multi-story house is visible through the trees.

МОСЛЕДНИЙ СЕАНС

ОЛЬГА ЕФИМОВА

18+

Ольга Ефимова

Последний сеанс

<https://litres.ru/74646889>

SelfPub; 2026

Аннотация

Максим Корнеев, бывший следователь, получает анонимное письмо с фотографией брата, погибшего десять лет назад. На снимке Артём стоит у входа в пансионат «Тихий берег» — место, где под видом реабилитации проводили эксперименты по стиранию памяти. Максим едет туда под чужим именем, но в первую же ночь умирает владелец пансионата. Все постояльцы — подозреваемые. Никто не говорит правды. А в комнате на втором этаже сидит человек, который не помнит своего имени. Человек, который может быть его братом.

«Последний сеанс» — герметичный детектив о памяти, которую можно украсть, и о правде, которую невозможно забыть.

Содержание

Глава 1. Письмо	4
Глава 2. Чужое лицо	19
Глава 3. Столовая	33
Глава 4. Тело	50
Глава 5. Подвал	63
Глава 6. Утро	74
Глава 7. Обыск	84
Глава 8. Комната Григория	92
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Ольга Ефимова

Последний сеанс

Глава 1. Письмо

Дождь начался ещё накануне вечером и к утру превратился в мелкую, назойливую морось, которая, казалось, пропитала собой всё: воздух, стены дома, одежду, мысли. Максим Корнеев стоял у окна своей квартиры на пятом этаже панельной девятиэтажки и смотрел, как серые струи стекают по стеклу, размывая очертания города до состояния акварельного наброска, сделанного неуверенной рукой. За окном проплывали машины, люди с зонтами, торопящиеся по своим делам, и всё это казалось ему чужим, далёким, словно происходило в другом мире, куда ему вход заказан.

Он уже третью неделю почти не выходил из дома. Работа, которую он выполнял удалённо — проверка документов для небольшой юридической фирмы, — не требовала присутствия в офисе, и это было единственным, что ещё удерживало его от полного затворничества. Работа была скучной, механической, но именно это ему и нравилось. Она не оставляла пространства для мыслей, для воспоминаний, для того тёмного омуты, который жил где-то в глубине сознания и время от времени поднимал голову, грозя утопить его в себе.

Максиму было тридцать восемь. Выглядел он старше — седина пробивалась на висках, под глазами залегли глубокие тени, лицо осунулось, словно он перенёс тяжёлую болезнь. Впрочем, так оно и было. Только болезнь эта не имела названия в медицинских справочниках, и никакие таблетки не могли её вылечить. Она называлась виной или памятью. Или, может быть, просто — прошлым.

Он отошёл от окна, налил себе чашку кофе, который уже давно остыл, но он всё равно выпил его, не чувствуя вкуса. В квартире было тихо. Такая тишина давила на уши, как вакуум, и он включил телевизор — не чтобы смотреть, а чтобы слышать человеческие голоса. На экране мелькали лица, звучали слова, но он не воспринимал их. Он просто сидел на диване, уставившись в пространство, и ждал, когда наступит вечер, чтобы можно было с чистой совестью лечь спать и забыться.

Так продолжалось до того дня, когда в его жизни появилось письмо.

Оно пришло в обычном почтовом конверте, без обратного адреса, без имени отправителя. На конверте был лишь его адрес, написанный от руки печатными буквами — ровными, почти каллиграфическими. Максим сначала решил, что это очередная рекламная рассылка или, может быть, уведомление из налоговой. Но что-то в этом конверте было не так. Что-то заставило его сердце сжаться, прежде чем он даже вскрыл его.

Он долго держал конверт в руках, вертя его, разглядывая. Бумага была плотной, дорогой, без каких-либо логотипов или штампов. Штемпель на марке — Москва, но это ничего не значило. Письмо могло быть отправлено откуда угодно.

Максим вскрыл конверт ножом для бумаг — медленно, аккуратно, словно боясь повредить то, что было внутри. Из конверта выпал сложенный пополам лист бумаги и фотография. Фотография упала на стол лицом вниз. Максим сначала развернул письмо. На листе было всего несколько строк, написанных тем же ровным печатным почерком:

«Вы не знаете меня. Но я знаю вас. И я знаю, что вы ищете. Артём жив. Он в пансионате „Тихий берег“. Приезжайте один. Никому не говорите. Если вы хотите узнать правду — у вас есть три дня. После этого будет поздно».

Максим перечитал записку трижды. Потом ещё трижды. Слова не менялись. Они стояли перед ним, чёрные на белом, неопровержимые, как приговор. Артём жив.

Он почувствовал, как что-то внутри него — то, что он так долго пытался похоронить, замуровать, залить бетоном отрицания, — начинает шевелиться, подниматься из глубины, как утопленник, всплывающий на поверхность. Руки задрожали. Он положил записку на стол и взял фотографию.

Снимок был старым, выцветшим, с загнутыми уголками. На нём был изображён вход в какое-то здание — деревянное, двухэтажное, с большой верандой и резными наличниками. Перед входом стоял человек. Молодой мужчина, худощавый,

с тёмными волосами и знакомой до боли улыбкой — чуть кривой, словно он знал что-то, чего не знали другие. Это был Артём его младший брат. Погибший десять лет назад.

Максим закрыл глаза. Перед ним мгновенно вспыхнула та ночь — ночь, которую он пытался забыть все эти годы, но которая возвращалась к нему снова и снова, как навязчивый сон. Озеро, чёрная вода, крик, холод, от которого сводило мышцы, и тишина. Тишина после того, как пузыри перестали подниматься на поверхность. Тогда ему сказали, что тело не нашли. Тогда ему сказали, что Артём утонул. Тогда ему сказали, что ничего нельзя было сделать.

Десять лет он жил с этим. Десять лет он просыпался по ночам от собственного крика, десять лет он видел лицо брата в толпе, десять лет он пытался убедить себя, что это была трагическая случайность, что он не виноват, что он сделал всё, что мог. И вот теперь какая-то анонимная записка перечеркнула всё это одним предложением.

Артём жив.

Максим открыл глаза и посмотрел на фотографию снова. Он вглядывался в лицо брата, искал подвох, искал признаки подделки. Но фотография выглядела настоящей. Старой, потёртой, но настоящей. И здание на заднем плане — он никогда его не видел, но что-то в нём казалось смутно знакомым.

Он отложил фотографию и взял телефон. Набрал номер. Гудки шли долго, и он уже собирался сбросить, когда на дру-

гом конце ответили.

— Алло? — Голос был хриплым, сонным. Было раннее утро, и человек явно не ожидал звонка.

— Витя, это Максим.

Пауза. Потом:

— Макс? Ты чего в такую рань? Что-то случилось?

Виктор Соловьёв был его бывшим напарником. Они вместе работали в следственном отделе, вместе раскрыли не одно дело, вместе пили водку после тяжёлых смен. А потом случилось то, что случилось, и Максим ушёл. Просто подал рапорт и ушёл, не объясняя причин. Витя звонил ему первое время, пытался вытащить, но Максим отмахивался, отнекивался, врал, что всё в порядке. Со временем звонки прекратились. Они не ссорились, не разрывали отношений — просто отдалились, как это обычно и бывает.

— Мне нужно кое-что узнать, — сказал Максим. — Ты можешь пробить один адрес?

— Адрес? Какой адрес?

— Пансионат «Тихий берег». Где-то в области, я не знаю точно где.

Максим слышал, как Витя на другом конце провода закуривает — щелчок зажигалки, вдох, выдох.

— Пансионат «Тихий берег», — повторил Витя. — Это который на озере, что ли? Под Заозёрском?

— Может быть, я не знаю.

— Слушай, Макс, — голос Вити стал серьезнее. — Что

происходит? Ты в порядке?

— Да. Всё нормально. Просто... нужно.

— Ты уже три года не звонил, а тут вдруг пансионат какой-то. Я же вижу, что что-то не так.

Максим молчал он не знал, что сказать. Он не мог сказать правду — потому что правда звучала бы как бред сумасшедшего. «Мой брат, который умер десять лет назад, жив, и я получил письмо от анонима». Это было бы смешно, если бы не было так страшно.

— Это связано с Артёмом? — спросил вдруг Витя.

Максим вздрогнул. Он никогда не говорил с Витей о брате. Ни разу. Он вообще ни с кем не говорил об этом. Но Витя был следователем, и он умел складывать два и два. Он знал, что Максим ушёл из органов после какой-то личной трагедии. Он знал, что Максим пьёт. Он знал, что что-то сломало его — сломало так сильно, что никакие слова не могли это починить.

— Да, — сказал Максим тихо. — Связано.

Витя выдохнул дым.

— Ладно, я пробую. Дай мне пару часов.

— Спасибо.

— Макс.

— Что?

— Если тебе нужна помощь — ты скажи. Я серьёзно.

Максим закрыл глаза.

— Я знаю. Спасибо.

Он положил трубку и снова посмотрел на фотографию. Артём смотрел на него с пожелтевшего снимка, и в его улыбке было что-то, от чего у Максима сжималось горло.

Он встал, прошёл на кухню, налил себе стакан воды и выпил его залпом. Руки всё ещё дрожали. Он поставил стакан на стол и прислонился к стене, пытаясь успокоиться. Мысли метались в голове, как испуганные птицы, не находя места, где можно было бы сесть.

Артём жив. Артём жив. Артём жив.

Это было невозможно. Это противоречило всему, что он знал, во что верил, что принял как данность. Но в то же время... в то же время где-то в глубине души, в самом тёмном и потаённом её углу, где жили надежды, которые он сам себе запрещал, — там всегда теплился огонёк. Слабый, почти погасший, но всё же живой. Огонёк, который говорил: «А что, если?»

И вот теперь этот огонёк разгорелся с новой силой.

Максим вернулся в комнату, сел за стол и включил компьютер. Он набрал в поисковике «пансионат Тихий берег». Результатов было немного. Несколько страниц с устаревшей информацией, пара упоминаний на форумах, где люди спрашивали, работает ли ещё это место. Он нашёл адрес — Заозёрский район, деревня Тихий Берег, что в двухстах километрах от города. Дорога туда занимала около четырёх часов на машине. Если, конечно, дорога вообще была проходимой.

Он посмотрел на карту. Деревня располагалась на бере-

гу большого лесного озера, окружённая лесами. Ближайший населённый пункт — Заозёрск — находился в тридцати километрах. Всё остальное — глушь. Настоящая глушь, где не ловит мобильная связь и где можно пропасть без следа.

Максим откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Он думал о том, что ему предстояло сделать. Поехать туда одному, не сообщив никому. Встретиться с неизвестным — или с неизвестными. Узнать правду, какой бы она ни была. Или не узнать ничего и вернуться домой, к своей пустой квартире и своей пустой жизни.

Он думал о том, что могло его там ждать. Ловушка? Ложь? Чья-то злая шутка? Или — и эта мысль была самой страшной — правда. Правда, которая могла разрушить всё, что он построил за эти десять лет. Правда, которая могла разрушить его самого.

Но разве было что разрушать?

Он усмехнулся — горько, безрадостно. Его жизнь давно уже была руинами. Он просто бродил среди обломков, делая вид, что всё в порядке. Может быть, пришло время посмотреть в лицо тому, что он так старательно прятал.

Телефон зазвонил через два часа. Это был Витя.

— Нашёл, — сказал он. — Пансионат «Тихий берег», Заозёрский район. Был закрыт лет десять назад, потом снова открылся. Сейчас числится как частный реабилитационный центр. Владелец — некто Верхов Пётр Аркадьевич, врач-психиатр. Лицензия есть, но в прошлом году была проверка

— жалобы от родственников пациентов. Ничего серьёзного, но осадок остался.

— Верхов, — повторил Максим. Это имя ничего ему не говорило.

— Ещё интересный момент, — продолжил Витя. — Я пробил по базам. В этом пансионате в разное время числились несколько человек, которые потом исчезли. Не то чтобы пропали без вести, но... их следы теряются. Люди приезжают, а потом как будто испаряются. Никто их не ищет, никто не заявляет. Странно, да?

— Странно, — согласился Максим.

— Слушай, Макс. Я не знаю, что у тебя там за дела, но будь осторожен. Это место какое-то мутное.

— Я понял. Спасибо, Витя.

— Ты точно не хочешь, чтобы я поехал с тобой?

— Нет. Я должен сделать это один.

Витя помолчал.

— Ладно. Но если что — звони. И имей в виду: там, скорее всего, нет связи. Так что не пропадай.

— Хорошо.

Максим положил трубку и посмотрел на фотографию. Артём смотрел на него, и его улыбка казалась теперь не насмешливой, а грустной. Словно он знал что-то, чего не знал Максим. Словно он хотел что-то сказать, но не мог.

Максим встал и пошёл собирать вещи.

Он не брал много. Сменная одежда, тёплая куртка, фо-

нарь, аптечка, документы, немного наличных. Он не знал, сколько времени проведёт в пансионате, но чувствовал, что это будет не одна ночь. Он также взял с собой старый складной нож, который когда-то подарил ему Артём. Нож был тупым, но Максим всё равно положил его в карман — как талисман, как напоминание.

Перед выходом он ещё раз посмотрел на письмо. Он хотел взять его с собой, но потом решил оставить дома. Если с ним что-то случится, пусть хотя бы останется след. Он положил письмо в ящик стола, закрыл его на ключ и спрятал ключ в книге на полке. Потом надел куртку, взял сумку и вышел из квартиры.

Дождь всё ещё шёл. Максим спустился на парковку, сел в свою старую «Ладу» — машину, которую он купил пять лет назад и которая служила ему верой и правдой, несмотря на все недостатки. Двигатель завёлся не сразу, но всё же завёлся. Максим выехал со двора и направился к выезду из города.

Дорога заняла больше времени, чем он рассчитывал. Дождь усилился, видимость упала до минимума, и ему приходилось ехать медленно, внимательно следя за дорогой. За окном проплывали серые пейзажи: поля, леса, редкие деревни, которые выглядели заброшенными и пустыми. Людей на улицах не было, машины встречались редко. Казалось, весь мир вымер, оставив Максима одного в этом сером, мокром пространстве.

Он думал об Артёме. Он думал о том, каким он был

— младший брат, весёлый, беззаботный, всегда готовый на авантюру. Артём был на пять лет младше, и Максим всегда чувствовал за него ответственность. Он опекал его, защищал, вытаскивал из передраг. А потом случилось то, что случилось, и Максим не смог его защитить. Не смог вытащить и не удалось спасти.

Он вспоминал тот день. Они поехали на озеро — просто отдохнуть, искупаться, провести выходные вместе. Артём был в приподнятом настроении, шутил, смеялся. А потом он пошёл купаться, и что-то пошло не так. Максим увидел, как брат уходит под воду, и бросился за ним. Но было поздно. Он нырял, искал, кричал, но находил только холод и темноту. Когда приехали спасатели, они сказали, что искать бесполезно. Тело не нашли. Течение, глубина, ил — всё это делало поиски бессмысленными.

Максим не верил. Он возвращался на озеро снова и снова, нырял, искал, пока не заболел воспалением лёгких. Потом он сдался и ушёл из органов. Потом он просто... существовал.

И вот теперь ему говорили, что Артём жив.

Он не знал, что и думать. Он боялся поверить. Боялся, что это ложь, что это чья-то жестокая игра, что он приедет и найдёт только пустоту. Но он также боялся не поехать. Что, что упустит единственный шанс узнать правду. В груди холодело от одной мысли: если он не поедет, раскаяние станет его тенью. Дорога шла через лес. Деревья стояли стеной по обе стороны, их ветви смыкались над головой, образуя тём-

ный туннель. Дождь барабанил по крыше машины, дворники метались по стеклу, но не успевали убирать воду. Максим включил фары, но свет тонул в серой пелене. Он ехал медленно, вглядываясь в дорогу, и чувствовал, как напряжение нарастает в груди.

Он свернул на грунтовку, которая должна была вывести к деревне. Дорога стала хуже — грязь, ямы, лужи. Машину трясло, колёса буксовали, но Максим упрямо ехал вперёд. Он не мог остановиться только не сейчас.

Наконец впереди показались очертания здания. Оно стояло на берегу озера, окружённое высокими соснами. Двухэтажное, деревянное, с большой верандой и резными наличниками — точно такое же, как на фотографии. Максим остановил машину и заглушил двигатель. Некоторое время он просто сидел, глядя на пансионат через запотевшее стекло.

Здание выглядело старым, но ухоженным. Окна были тёмными, но в одном из них — на втором этаже — горел свет. Внутри кто-то был — будто ждал. Максим глубоко вздохнул, взял сумку и вышел из машины. Дождь сразу же залил его лицо, холодные капли потекли за воротник. Он подошёл к крыльцу, поднялся по скрипучим ступеням и остановился перед дверью. На двери была табличка: «Пансионат „Тихий берег“. Реабилитационный центр». Ниже — часы работы и телефон, который, как Максим уже знал, не отвечал.

Он взялся за ручку и потянул. Дверь открылась. Максим вошёл внутрь.

В холле было тепло и пахло дровами — где-то горел камин. Свет был приглушённым, тени метались по стенам. На стенах висели картины — портреты людей, написанные маслом. Максим невольно вздрогнул, когда узнал одно из лиц. Это было лицо Артёма. Он стоял на портрете в полный рост, улыбаясь той самой кривой улыбкой, и смотрел прямо на Максима.

— Вы уже здесь, — раздался голос за спиной.

Максим обернулся. В дверном проёме стояла женщина — высокая, худая, с седыми волосами, убранными в тугой пучок. На ней был белый халат, как у медсестры. Она смотрела на него без удивления, словно ждала его.

— Я получил письмо, — сказал Максим.

— Знаю, — ответила женщина. — Мы ждали вас. Меня зовут Елена Петровна. Я здесь... уже давно.

Она сделала шаг вперёд, и свет упал на её лицо. Максим увидел глубокие морщины, усталые глаза, плотно сжатые губы. Она выглядела так, будто много лет назад перестала чему-либо удивляться.

— Где мой брат? — спросил Максим.

Елена Петровна посмотрела на него долгим взглядом. Потом вздохнула.

— Пойдёмте, — сказала она. — Я вас провожу.

Она повернулась и пошла к лестнице, ведущей на второй этаж. Максим сомневался на мгновение, но потом последовал за ней. Он не знал, что его ждёт наверху. Не знал, кому

можно верить. Но он знал одно: он должен увидеть брата. Должен узнать правду.

Они поднялись по скрипучей лестнице. Коридор второго этажа был длинным и тёмным, освещённым лишь редкими лампами на стенах. Елена Петровна шла впереди, не оглядываясь. Максим следовал за ней, чувствуя, как с каждым шагом сердце бьётся всё быстрее.

Она остановилась перед одной из дверей. Обернулась.

— Он здесь, — сказала она тихо. — Но предупреждаю: он не помнит вас. Он не помнит ничего. Мы... пытались ему помочь, но...

Она не договорила. Просто открыла дверь и отступила в сторону.

Максим вошёл в комнату.

Комната была небольшой, с одним окном, занавешенным плотной шторой. На кровати у стены сидел человек. Он был худым, бледным, с длинными волосами, спадающими на лицо. Он смотрел в стену, не оборачиваясь. Но Максим узнал его сразу. По профилю, по осанке, по чему-то неуловимому, что нельзя описать словами, но что можно только почувствовать.

— Артём, — сказал он.

Человек на кровати вздрогнул. Медленно повернул голову. Его глаза — те же глаза, что были у брата, — посмотрели на Максима без узнавания. Они были пустыми и холодными и совершенно чужими.

— Кто вы? — спросил он.

Максим почувствовал, как что-то внутри него оборвалось. Он стоял и смотрел на брата, и не мог вымолвить ни слова. Горло сжалось, глаза защипало. Он хотел броситься к нему, обнять и закричать, что это он — Максим, его старший брат. Столько лет он искал его, столько раз повторял про себя: он не виноват, он просто так долго не мог найти дорогу домой. Но он не мог. Потому что человек на кровати смотрел на него как на незнакомца.

— Это я, — наконец сказал Максим. — Максим я твой брат.

Человек на кровати нахмурился. В его глазах мелькнуло что-то — тень, отголосок, искра. Но тут же погасло.

— У меня нет брата, — сказал он равнодушно. — Вы ошиблись.

Он отвернулся и снова уставился в стену.

Максим стоял в дверях, не в силах двинуться с места. Он смотрел на брата — живого, настоящего, но чужого, — и чувствовал, как рушится всё, что он знал о себе и о своей жизни.

Он хотел что-то сказать. Хотел что-то сделать, но не мог.

Он просто стоял и смотрел, а дождь стучал по крыше, и где-то вдалеке гроыхал гром.

Глава 2. Чужое лицо

Максим не знал, сколько времени он простоял в дверях. Может быть, минуту или более десять. Время потеряло свою привычную текучесть, превратившись в вязкую, тягучую субстанцию, в которой он барахтался, не в силах найти опоры. Человек на кровати — его брат, его Артём, — сидел спиной к нему, и эта спина, узкая, ссутулившаяся, с выступающими лопатками, была одновременно знакомой и чужой. Максим помнил эту спину. Помнил, как в детстве они спали на одной кровати, и Артём всегда сворачивался калачиком, прижимаясь к его боку. Помнил, как он будил брата по утрам, тряся его за плечо. В памяти жило, как Артём хмурился, отмахивался и зарывался с головой под подушку. Сейчас эта спина была неподвижной, как стена. Как будто за ней не было ничего живого.

— Артём, — позвал Максим снова, и его голос прозвучал хрипло, сорванно, словно он кричал в пустоту.

Человек на кровати не обернулся и даже не пошевелился. Только плечи его едва заметно напряглись — или Максиму это показалось. Возможно, он просто хотел, чтобы ему это показалось. Возможно, он искал признаки жизни там, где их не было.

— Бесполезно, — раздался голос за спиной. Елена Петровна стояла в коридоре, прислонившись к стене. В её руках

была папка — старая, потрёпанная, с загнутыми уголками. — Он никого не узнаёт уже несколько лет.

Максим медленно обернулся. В горле стоял ком, мешающий говорить. Он сглотнул, но ком не проходил.

— Что с ним? — спросил он. — Что вы с ним сделали?

Елена Петровна посмотрела на него без обиды. Только усталость — глубокая, многолетняя, как старая рана, которая давно перестала болеть, но так и не зажила.

— Это не мы, — сказала она тихо. — Это... болезнь. Он был таким, когда его привезли. Мы пытались помочь и доктор Верхов пытался. Но...

Она замолчала, словно подбирая слова. Максим ждал. Он не верил ей. Да и вообще никому в этом месте не доверял. Но ему важно было услышать её слова — хотелось разобраться, понять.

— Пойдёмте, — сказала Елена Петровна. — Я вам всё расскажу только не здесь.

Она повернулась и пошла по коридору. Максим ещё раз посмотрел на брата — тот по-прежнему сидел неподвижно, глядя в стену, — и вышел из комнаты, бесшумно прикрыв за собой дверь. Каждый шаг давался ему с трудом, словно он шёл против течения. Но он шёл.

Они спустились на первый этаж. Елена Петровна провела его в небольшую комнату, которая, судя по всему, служила кабинетом. Здесь стоял письменный стол, заваленный бумагами, шкаф с папками, два кресла и торшер, дававший мяг-

кий, тёплый свет. На стене висела карта области, утыканная булавками. Максим мельком отметил, что одна из булавок воткнута в точку, обозначающую озеро.

— Садитесь, — сказала Елена Петровна, указывая на кресло. Сама она села напротив, положила папку на колени и сцепила руки в замок. Её пальцы были длинными, сухими, с выступающими суставами. Руки старой женщины, которая много работала.

Максим сел. Он не расслаблялся. Тело было напряжено, как пружина, готовая в любую секунду распрямиться. Он смотрел на Елену Петровну и ждал.

— Вы получили письмо, — начала она. — Я не знаю, кто его отправил. Не я, но я знала, что вы приедете. Доктор Верхов тоже знал, он говорил, что рано или поздно вы появитесь.

— Верхов? — переспросил Максим. — Кто он такой?

— Владелец пансионата, врач-психиатр. Он... — Елена Петровна запнулась. — Он был сложным человеком, но сейчас его нет.

— Нет?

— Он умер прошлой ночью.

Максим почувствовал, как холодок пробежал по спине. Он вспомнил свет в окне второго этажа, когда подъезжал. Кто-то был в доме и его ждал. Но Верхов, по словам Елены, был мёртв.

— Как он умер?

— Сердце остановилось... — она запнулась, будто слова

застряли в горле. — Врача здесь нет. Мне самой пришлось констатировать смерть. Я вызвала полицию, но раньше чем через два дня они не доберутся: дороги размыло, а связи и вовсе нет.

Максим молчал. Он смотрел на Елену Петровну и пытался понять, лжёт она или говорит правду. Она выглядела спокойной — слишком спокойной для человека, у которого только что умер работодатель. Но, возможно, это было просто оцепенение или многолетняя привычка скрывать эмоции.

— Вы сказали, что доктор Верхов знал, что я приеду, — сказал Максим. — Откуда он мог меня знать?

Елена Петровна опустила глаза. Некоторое время она молчала, и в тишине было слышно, как дождь стучит по крыше. Потом она открыла папку и достала оттуда несколько листов — старых, пожелтевших, с машинописным текстом.

— Вот, — сказала она, протягивая листы Максиму. — Это выписка из истории болезни вашего брата. Часть её. Остальное... остальное пропало.

Максим взял листы. Руки дрожали. Он вгляделся в текст, напечатанный на старой печатной машинке — ровные ряды букв, выцветшие чернила. Имя: «Корнеев Артём Сергеевич». Дата рождения. Диагноз, написанный неразборчивым медицинским почерком. И дальше — записи, которые заставили его сердце сжаться.

«Пациент поступил в тяжёлом состоянии. Наблюдает-

ся полная утрата автобиографической памяти. Не помнит своего имени, места жительства, родственников. Речь сохранна, интеллект не нарушен. Физически здоров. Со слов сопровождающего лица (Верхов П. А.), пациент найден на берегу озера после попытки утопления. Личность установлена по документам, обнаруженным в одежде».

Максим перечитал абзац дважды. И трижды, но слова не менялись. Он поднял глаза на Елену Петровну.

— Это... это официальный документ?

— Да это копия. Оригинал был в архиве доктора Верхова. Но архив... — Она замолчала.

— Что с архивом?

— Его нет... — она тихо повторила, словно пытаясь уложить эту мысль в голову. — Кто-то забрал его... или уничтожил. Сама не знаю, что думать. Когда я утром зашла в кабинет доктора, дверь оказалась распахнутой, а папки валялись повсюду. Много исчезло.

Максим откинулся на спинку кресла. Мысли путались, он смотрел на листы в своих руках и пытался сложить из них картину. Артём был найден на берегу озера. После попытки утопления. Но Максим помнил ту ночь. Помнил, как брат ушёл под воду, как он нырял за ним, как искал, как звал. Если Артёма нашли, то кто его нашёл? И почему об этом не сообщили семье?

— Кто привёз его сюда? — спросил он.

— Доктор Верхов, — негромко ответила Елена Петровна.

— Он сам нашёл Артёма... или ему о нём сообщили — точно не скажу.

Я здесь уже двенадцать лет, и, когда я пришла, мальчик уже был пациентом.

Доктор называл это своим личным проектом — говорил, что пытается вернуть Артёму память.— И как? Вернул?

Елена Петровна покачала головой.

— Нет, всё стало только хуже, — она покачала головой. — Поначалу Артём хоть что-то помнил: обрывочные воспоминания, какие-то фрагменты. Он знал своё имя, помнил, что у него был брат. Но потом доктор затеял новые эксперименты — уверял, что это пойдёт на пользу. А после них мальчик перестал узнавать даже собственное имя... Он словно ушёл глубоко в себя — и уже не вернулся.

Он закрыл глаза. Перед ним мгновенно вспыхнула та ночь — ночь, которую он пытался забыть все эти годы, но которая возвращалась к нему снова и снова, как навязчивый сон. Озеро, чёрная вода, крик, холод, от которого сводило мышцы. Он помнил, как нырнул, как искал брата в темноте, как руки хватали пустоту. Он нырял снова и снова, пока не кончился воздух, пока не заболели лёгкие, пока не начал терять сознание. Но Артёма не было. Только холод, темнота и тишина.

Он вынырнул в последний раз, хватая ртом воздух, и закричал. Закричал так, что сорвал голос. Но никто не ответил, только эхо прокатилось над водой и стихло. Артём ис-

чез, но он ушёл под воду. И не вернулся.

Максим поплыл к берегу. Выбрался на илистый грунт, упал на колени. Его трясло. Он смотрел на воду — чёрную, гладкую, равнодушную и не мог поверить, что брата больше нет. Он хотел нырнуть снова искать, пока не найдёт. Но тело не слушалось. Руки дрожали и ноги не держали. Он понял, что если не позовёт помощь, то утонет сам.

Он сорвался с места и бросился вперёд.

Путь лежал к дороге, к машине, к телефону — лишь бы скорее позвать на помощь.

Сколько длилась эта гонка, он не смог бы сказать: то ли десять минут, то ли все двадцать.

Когда он примчался обратно вместе со спасателями, те уже ныряли в воду.

Они тщательно прочёсывали дно, не оставляя ни метра без внимания.

Но так и не смогли отыскать тело — течение унесло его в озеро.

Спасатели тихо объяснили, что глубина слишком велика, поиски бессмысленны, и ему пора учиться с этим жить.

Он не смирился. Он возвращался на озеро снова и снова, нырял, искал, пока не заболел воспалением лёгких. Потом он сдался и ушёл из органов. Потом он начал пить и стал просто существовать.

Но тело нашли. Верхов нашёл и забрал. Верхов забрал Артёма, пока вы Максим ходили за помощью.

— Зачем? — спросил Максим вслух. — Зачем ему это было нужно?

Елена Петровна молчала. Она смотрела на него, и в её глазах было что-то — жалость? вина? страх? Максим не мог понять.

— Доктор Верхов был не просто врачом, — наконец сказала она. — Он был... исследователем. Он изучал память и сознание. Он хотел понять, можно ли переписать человека. Стереть одно, записать другое. Ваш брат был для него... материалом.

— Материалом, — повторил Максим. Слово прозвучало как удар. Как пощёчина. — Он был для него подопытным кроликом.

— Можно сказать и так.

Максим резко поднялся, и кресло с пронзительным скрипом откатилось назад. Он подошёл к окну и вгляделся в промозглую даль. Дождь всё лил и лил, не собираясь стихать. Озеро чернело, словно разлитые чернила, а в его гладкой поверхности угрюмо отражались тяжёлые серые тучи. Где-то там, в тёмной глубине, навеки застыла та самая ночь — та, что отняла у него брата. И та, что, как выяснилось позже, вовсе не забрала его навсегда.

— Кто ещё здесь? — спросил он, не оборачиваясь. — Кроме вас и Артёма.

— Есть ещё постояльцы, — ответила Елена Петровна. — Их пятеро. Художник — Игнат. Молодая пара — Алиса и

Денис. Женщина — Ольга, администратор. И... Григорий. Он бывший пациент, как и ваш брат.

— Бывший пациент? Он вылечился?

— Нет. Он... особый случай. Доктор Верхов продолжал наблюдать за ним. Говорил, что Григорий — пример успешной терапии. Но я не уверена.

Максим обернулся.

— Успешной терапии? Что это значит?

— Григорий не помнит своего прошлого совсем. Но он... функционирует. Работает, общается, живёт и доктор считал, что это победа. Что он смог создать нового человека. Но мне кажется...

Она замолчала.

— Что? — надавил Максим.

— Мне кажется, что Григорий просто научился притворяться. Он играет роль, но внутри него — пустота. И эта пустота иногда прорывается наружу. Он бывает, агрессивным совсем не помнит, что делает. Доктор говорил, что это побочный эффект. Но я...

Она снова замолчала, и Максим понял, что она боится. Боится не Григория а то того, что может произойти.

— Где все? — спросил он.

— В столовой. Пора ужинать. Доктор Верхов... он скончался ночью, но я не хотела никого тревожить. Утром просто сказала, что он уехал по делам. Пока об этом никто не знает.

— Вы солгали.

— Мне нужно было время — чтобы сообразить, как поступить, и дожидаться вас.

— Меня?

— Доктор сам говорил, что вы приедете. Он велел передать вам документы, если с ним что-то случится. Сказал, что только вы сумеете во всём разобраться.

Максим помрачнел, сдвинув брови.

— С чего он взял, что я пойму?

— Не знаю, он ничего не объяснял. Только повторял: «Если меня не станет, пусть приедет его брат. Он разберётся».

Максим снова уставился на листы, зажатые в руках, будто надеялся прочесть в них ответы. В голове царил хаос. Ничего не складывалось. Слишком много загадок и слишком мало объяснений. Артём жив, но не узнаёт его. Верхов мёртв — и при этом будто заранее знал, что Максим появится здесь. Кто-то отправил то письмо. Кто-то выкрал архив. Кто-то лишил доктора жизни... или же он сам всё подстроил? И что теперь со всем этим делать?

— Я хочу поговорить с остальными, — сказал он.

— Сейчас?

— Да сейчас. Пока они ничего не знают и не успели подготовиться.

Елена Петровна кивнула. Она встала, поправила халат и направилась к двери. Максим последовал за ней. В коридоре было темно, но где-то впереди, за поворотом, виднелась полоска света. Оттуда доносились голоса — приглушённые,

неразборчивые. В комнате звучал смех, кто-то что-то говорил.

Максим вошёл в столовую и оказался в центре всеобщего внимания. Разговоры стихли. Пять пар глаз уставились на него — с удивлением, с настороженностью, с любопытством. Он оглядел их всех, запоминая лица. Художник — худой, бледный, с длинными пальцами, испачканными краской. Молодая пара — парень и девушка, держащиеся за руки, испуганные. Женщина — красивая, ухоженная, с застывшей улыбкой. И мужчина — крупный, с тяжёлым взглядом, сидевший в углу.

— Кто это? — спросил художник. Голос у него был тихий, чуть надтреснутый.

— Это Максим, — ответила Елена Петровна. — Он... гость приехал сегодня.

— Гость? — Женщина — Ольга — приподняла бровь. — В такую погоду? И без предупреждения?

— Я искал брата, — сказал Максим. Он решил не играть в игры. Не время. — Его зовут Артём и он здесь.

Тишина была густая, как смола. Художник побледнел ещё больше — если это было возможно. Алиса прижалась к Денису. Григорий — тот, что сидел в углу, — медленно повернул голову и посмотрел на Максима. Его глаза были пустыми, как у куклы.

— Артём, — повторил художник. — Вы... вы его брат?

— Да.

Художник опустил глаза. Его руки задрожали. Он что-то пробормотал — Максим не разобрал что. Но Елена Петровна, кажется, поняла. Она подошла к нему и положила руку на плечо.

— Игнат, — сказала она тихо. — Всё в порядке Игнат. Максим вспомнил портрет Артёма в холле. Вспомнил, как вздрогнул, увидев его. И теперь он понял, что Игнат знает больше, чем говорит. Что он как-то связан с Артёмом. Возможно, их связывала дружба. А может, они просто были соседями по палате. Или...

— Я хочу знать всё, — сказал Максим, обращаясь ко всем сразу. — Что здесь происходит. Кто такой Верхов. Почему мой брат здесь. И кто отправил мне письмо.

Он вынул из кармана сложенный лист и положил его на стол. Все уставились на него, как на бомбу.

— Письмо? — переспросила Ольга. — Какое письмо?

— Анонимное. Мне сообщили, что мой брат жив. И что он здесь.

— Это невозможно, — сказала Алиса. — Здесь нет никакого Артёма. Мы бы знали.

— Есть, — сказала Елена Петровна. — Он на втором этаже в комнате номер семь.

Алиса замолчала. Денис посмотрел на неё, потом на Максима.

— Мы здесь уже две недели, — сказал он. — И ни разу не видели никакого Артёма. Нам сказали, что второй этаж

закрит на ремонт.

— Вам соврали, — сказала Елена Петровна.

— Зачем?

— Затем, что доктор Верхов не хотел, чтобы вы знали.

— О чём?

Елена Петровна не ответила. Она посмотрела на Максима, и он понял: она ждёт, что он возьмёт инициативу. Что он задаст правильные вопросы. Что он начнёт распутывать этот клубок.

Максим сделал шаг вперёд. Он чувствовал, как внутри него просыпается что-то, что он давно считал мёртвым. Что-то холодное, твёрдое, безжалостное. То, что когда-то делало его хорошим следователем. То, что он похоронил вместе с братом.

— Я — Максим Корнеев, — твёрдо произнёс он. — Раньше служил следователем. И сейчас я здесь с одной целью — докопаться до правды. Кто-то расправился с доктором Верховым. Кто-то похитил его архив. Кто-то всеми силами старается замести следы того, что творилось в этих стенах. Я выясню, кто это. Но без вашей помощи мне не справиться. Мне нужна помощь каждого из вас.

Он медленно обвёл взглядом собравшихся. Игнат не поднимал глаз, упорно глядя в столешницу. Алиса и Денис украдкой переглядывались, будто пытаясь прочесть друг в друге ответ. Ольга смотрела на Максима пристально, и в её взгляде мешались любопытство и насторожённость. Григо-

рий по-прежнему сидел в углу — его отрешённый, пустой взгляд ничего не выражал.

— Кто расскажет первым, что здесь происходит? — голос Максима прозвучал в тишине особенно чётко.

Наступила долгая пауза. Только дождь монотонно барабанил по крыше. Где-то наверху, в комнате номер семь на втором этаже, сидел человек, забывший собственное имя. Человек, который был его братом. Тот, кого Максим потерял десять лет назад, а теперь нашёл — и обнаружил, что перед ним будто чужой.

Максим застыл в ожидании.

И постепенно эта гнетущая тишина начала давать трещины.

Глава 3. Столовая

Первым заговорил Игнат. Он сделал это тихо, почти шёпотом, но в наступившей тишине его голос прозвучал как выстрел.

— Я знал его, — сказал художник, не поднимая глаз. Пальцы его правой руки нервно теребили край скатерти — мяли, крутили, отпускали. — Артёма. Я... я видел его.

Максим шагнул к столу, но садиться не стал. Он остался стоять — высокий, прямой, словно нависая над остальными, и устремил взгляд на Игната. В этом не было грубой угрозы, никакого нарочитого давления — просто спокойная, твёрдая позиция. Но и этого хватило, чтобы художник невольно съёжился, будто пытаясь стать меньше.

— Где? — спросил Максим. — Когда?

— Здесь на втором этаже. Иногда доктор Верхов водил его вниз, в сад. Но чаще он сидел в своей комнате. — Я рисовал его несколько раз — доктор сам об этом просил. — Зачем?

Игнат пожал плечами. Плечи у него были узкие, костлявые, как у подростка, хотя на вид ему было не меньше сорока. Он выглядел человеком, который давно перестал заботиться о себе — небритый, с тусклыми глазами, в свитере с застарелыми пятнами краски.

— Не знаю. Он говорил, что хочет сохранить лицо. Что память может уйти, но лицо останется. — Я не задавал во-

просов — мне платили, вот я и рисовал.

— И где эти портреты?

— Некоторые картины были в холле, остальные доктор забрал — куда, я не знаю.

Максим вспомнил портрет в холле — Артём в полный рост, с той самой кривой улыбкой. Он был написан талантливо, даже слишком талантливо. В нём было что-то живое, что-то, что не соответствовало пустому взгляду человека в комнате номер семь.

— Вы знали, что он не помнит себя? — спросил Максим.

Игнат кивнул.

— Все об этом знали, доктор никому не позволял поднимать эту тему.

Он уверял, что ситуация временная и он как раз работает над решением.

Говорил, что совсем скоро Артём всё вспомнит.

— И вы верили?

Игнат наконец поднял глаза. В них было что-то — не страх, не вина, а что-то третье, чему Максим не сразу нашёл название. Отчаяние? Пустота? Смирение?

— Я верил во что угодно, — сказал он. — Мне нужно было во что-то верить. Иначе... — Он не договорил. Только покачал головой и снова опустил взгляд.

Максим не стал давить. Он перевёл взгляд на Ольгу.

— Вы администратор. Вы знали о том, что здесь происходит?

Ольга сидела прямо, положив руки на стол. Она была красивой женщиной — лет сорока, с тёмными волосами, убранными в аккуратную причёску, с правильными чертами лица. Но в этой красоте было что-то застывшее, как у фарфоровой куклы. Улыбка, которую она носила, казалась приклеенной.

— Я знала столько, сколько мне позволял доктор Верхов, — сказала она ровно. — Я занималась документами, расписанием, приёмом гостей. В клинические дела я не вмешивалась.

— Вы были его любовницей.

Это было не вопросом. Ольга не вздрогнула. Только её улыбка стала чуть тоньше.

— Да, — сказала она. — Была. Это имеет значение?

— Имеет. Вы могли знать больше, чем говорите.

— Я знаю то, что знаю. Если вы хотите услышать больше — задавайте конкретные вопросы.

Максим кивнул. Он отметил её спокойствие — слишком ровное, слишком контролируемое. Она не боялась, или хорошо скрывала страх. В любом случае, это стоило запомнить.

Он повернулся к Алисе и Денису. Они сидели, прижавшись друг к другу, как два испуганных зверька. Алиса — бледная, с заплаканными глазами, с руками, которые не находили места. Денис — крупный, широкоплечий, но с лицом человека, который давно потерял почву под ногами.

— Вы сказали, что ищете дочь, — начал Максим. — Рас-

скажите.

Алиса вздрогнула. Денис сжал её руку.

— Её звали Маша, — сказала Алиса. Голос у неё был тонкий, надтреснутый. — Ей было четырнадцать. Она... она попала сюда прошлой осенью. Доктор Верхов сказал, что у неё депрессия. Что он поможет. Мы... мы поверили.

— Почему вы её отдали?

— Она сама захотела. Сказала, что ей нужно побыть одной. Что она устала от нас. Мы... — Алиса запнулась. — Мы не знали, что делать. Она почти перестала с нами разговаривать и всё время сидела взаперти в своей комнате. Врачи списывали это на подростковый возраст и уверяли, что со временем всё наладится, но лучше не становилось. Позже она сама отыскала в интернете тот пансионат. Доктор Верхов оказался ей добрым и понимающим — он умел с ней говорить, будто по-настоящему её слышал. В конце концов она твёрдо сказала, что хочет туда поехать.

— И вы отпустили.

— Да. — Алиса закрыла глаза. — Мы отпустили. А через месяц она перестала отвечать на звонки. Мы приехали, но нас не пустили на территорию. Доктор объяснил, что она сейчас на курсе лечения и нам стоит подождать. Мы не сдались — вернулись спустя время. На этот раз он заявил, что она уехала, но отказался говорить, куда именно. Тогда мы обратились в полицию... Но дальше она не стала продолжать и вдруг умолкла.

— Но что?

— Полиция так ничего и не нашла. Сказали, скорее всего, она сбежала — мол, для подростков это обычное дело. Уверяли, что скоро вернётся, но она так и не появилась.

Максим помрачнел, сдвинув брови.

— Значит, вы решили приехать сюда сами.

— Да, — тихо ответил Денис. — Мы хотели поговорить с Верховым, узнать наконец правду. Но когда добрались до места... — он стиснул кулаки, будто пытаясь удержать вспыхнувшую внутри ярость. — Он сказал, что Маша мертва.

В комнате повисла тяжёлая тишина. Казалось, даже дождь за окном на миг притих.

— Мертва? — глухо переспросил Максим, словно не в силах сразу принять эти слова.

— Он заявил, что она покончила с собой. Сказал, что это случилось в декабре, и её уже похоронили. Но мы... — Денис оборвал себя, его дыхание стало тяжёлым, рваным. — Мы не можем в это поверить. Мы не видели ни тела, ни каких-либо документов. Он просто бросил эти слова — и на этом всё. Ни единого доказательства, ни вразумительного объяснения.

— Вы думаете, он врал?

— Мы уверены, что он что-то скрывает, — тихо произнесла Алиса. — Потому и остались здесь — хотели докопаться до правды. Но доктор ничего не давал нам узнать. Только твердил, что нам надо уехать, что здесь нам не место. А мы не уехали.

Максим взгляделся в их лица. Он ясно видел эту боль — глубокую, неподдельную, без капли притворства. И страх, сквозивший в каждом движении. А ещё — что-то невысказанное, тяжёлое, будто они держали часть правды взаперти где-то внутри.

— Вы говорили, что приехали две недели назад, — негромко сказал он. — За это время вам удалось что-нибудь отыскать?

Алиса и Денис медленно переглянулись — так, словно каждый просил у другого молчаливого разрешения говорить.

— Мы нашли её вещи, — наконец призналась Алиса. — В подвале. Там был её дневник, её одежда. Доктор уверял, что всё это выбросили после... после её смерти. Но мы нашли.

— Где именно? — уточнил Максим.

— В старой кладовой, за котельной. Мы пробрались туда ночью. Там полно всякого: старые вещи, какие-то документы... Мы не успели всё просмотреть. Но дневник... — Голос Алисы дрогнул, и слёзы покатались по её щекам. — В нём она писала, что ей страшно. Что доктор делает с ней что-то непонятное. Что она не помнит, что было вчера. Что она... теряет себя.

Холодок пробежал по спине Максима. «Теряет себя». Эти слова эхом отозвались в памяти — то же самое говорила Елена Петровна про Артёма. Похоже, это происходило со всеми, кто попадал в этот пансионат.

— Где дневник сейчас? — спросил он, стараясь говорить ровно.

— У нас, в комнате. Мы можем его показать.

— Покажете. Позже.

Он повернулся к Григорию. Тот всё это время сидел в углу, не двигаясь, не говоря ни слова. Его тяжёлый взгляд был устремлён куда-то в пространство, и казалось, что он вообще не слушает.

— Григорий, — позвал Максим.

Мужчина медленно повернул голову. Его глаза — тёмные, глубоко посаженные — смотрели на Максима без выражения. Как у собаки, которая давно перестала ждать от людей чего-то хорошего.

— Вы бывший пациент?

— Да, — сказал Григорий. Голос у него был низкий, скрипучий, как несмазанная дверь.

— Что вы помните о своём лечении?

— Ничего.

— Совсем ничего?

— Совсем.

— Как вас зовут?

— Григорий.

— Фамилия?

Григорий замолчал. Он смотрел на Максима, и в его глазах что-то шевелилось — медленно, тяжело, как рыба подо льдом.

— Не помню, — сказал он наконец.

— Сколько вам лет?

— Не знаю.

— Где вы родились?

— Не помню.

Максим сделал шаг ближе. Григорий не отшатнулся. Он просто сидел, и его руки, лежавшие на коленях, медленно сжимались в кулаки.

— Что вы помните? — спросил Максим мягче. — Хоть что-то.

Григорий долго молчал. Потом сказал:

— Помню тот момент, когда я очнулся, — тихо начал Григорий. — Это было здесь, в этой палате, среди белых стен и тусклого света.

Доктор стоял прямо надо мной, его лицо было серьёзным, почти бесстрастным.

Он спокойно произнёс: «Тебя зовут Григорий. Ты болен. Но я тебя вылечу».

Я не знал, кто я, не помнил ни своего имени, ни лица, ни единого мгновения из прошлого.

И потому поверил ему — просто потому, что больше нечему было верить.

— А что было потом? — тихо спросил Максим, не отрывая взгляда от Григория.

— Потом... — Григорий на секунду запнулся, лоб его прорезала глубокая морщина. — Потом начались таблетки.

Их было много — целые горсти, которые я глотал каждый день, запивая тёплой водой.

А ещё были бесконечные разговоры: доктор задавал вопросы, будто пытался выудить из меня хоть крупицу памяти.

Он спрашивал о прошлом, о семье, о детстве — о том, чего я не мог вспомнить.

— И ты ничего не мог ответить?

— Нет, — Григорий покачал головой. — Я не помнил ничего.

Доктор уверял, что это нормально, что память постепенно вернётся.

Но дни шли, а прошлое так и не возвращалось.

Вместо него ко мне приходили странные видения — картинки, лица, голоса, которых я не знал.

Они казались такими настоящими, будто когда-то были частью моей жизни.

Доктор настаивал, что это и есть мои воспоминания, просто забытые, спрятанные где-то глубоко.

Но внутри меня росло другое чувство — твёрдое, холодное убеждение, что всё это не моё.

Что эти образы, эти голоса и лица — чужие, навязанные, словно кто-то вложил их в мою голову.

Максим нахмурился.

— Чужое?

— Да, — тихо произнёс Григорий, будто каждое слово давалось ему с усилием. — Это было похоже на то, будто в мою

голову вложили что-то совершенно чужое, не моё.

Я пытался объяснить это доктору, старался подобрать нужные слова, чтобы он понял, насколько всё это чуждо мне.

Он лишь кивал и говорил, что это сопротивление психики, обычное явление в таких случаях.

Уверял, что так бывает у многих, и мне просто нужно принять новую реальность.

Говорил, что, когда я перестану противиться, станет легче.

— И стало легче? — Максим смотрел на него пристально, не отводя взгляда.

Григорий медленно поднял глаза, и в них не было ни боли, ни злости — только глубокая, почти бездонная пустота.

— Нет, — выдохнул он. — Легче не стало. Наоборот, становилось только хуже.

С каждым днём я всё сильнее терял опору, переставал понимать, где нахожусь и кто я такой.

Бывали моменты, когда я просыпался и не мог вспомнить, как оказался в этой комнате.

А иногда я делал что-то, совершал какие-то действия, а потом совершенно не помнил, что и зачем делал.

Доктор спокойно объяснял, что это побочный эффект лечения, временное явление.

Твердил, что со временем всё пройдёт, нужно только набраться терпения.

Но дни сменялись неделями, а ничего не менялось.

— Вы когда-нибудь... причиняли кому-нибудь вред? — голос Максима прозвучал тихо, но твёрдо.

Григорий снова замолчал, и его кулаки сжались так сильно, что на предплечье вздулись вены, словно внутри него боюлись страх и попытка удержать себя в руках.

— Не помню, — тихо произнёс Григорий, и в его голосе сквозила не просто растерянность, а какая-то глухая беспомощность.

— Но время от времени... — он запнулся, будто боялся произнести следующие слова.

— Иногда он замечал на руках и одежде тёмные пятна, похожие на засохшую кровь, и никак не мог вспомнить, откуда они взялись.

Доктор спокойно говорил, что я, вероятно, где-то поранился.

Но я не помню ни падения, ни удара, ни того, как царапался.

Ни единого мгновения, когда могла появиться эта кровь.

Максим слушал, и по спине у него медленно пробежал тот самый леденящий холодок — будто кто-то провёл по коже ледяной иглой.

Он невольно перевёл взгляд на Елену Петровну.

Она по-прежнему стояла у двери, крепко скрестив руки на груди.

Её лицо оставалось почти неподвижным, но в глазах мелькало что-то сложное, многослойное.

Максим пытался расшифровать это выражение.

Страх? Жалость? Или нечто куда более тёмное, спрятанное глубоко под маской спокойствия?

— Доктор Верхов умер прошлой ночью, — произнёс Максим, обращаясь сразу ко всем, и голос его прозвучал необычно жёстко, будто он намеренно хотел пробить эту вязкую тишину.

В комнате повисло тяжёлое молчание.

Вязкая, плотная тишина обволокла всё вокруг — не пошевелиться, не проговорить ни звука.

Первым отозвался Игнат: его и без того бледное лицо вдруг стало почти серым.

Казалось, он побелел ещё сильнее — хотя Максим уже думал, что дальше некуда.

Ольга застыла, будто её приковали к стулу невидимыми цепями.

Алиса не выдержала — она резко вскрикнула и тут же прижала ладонь ко рту, словно хотела затолкнуть этот звук обратно.

Денис молча сжал её плечо, и этот жест был единственным движением в оцепеневшей комнате.

Григорий же не шевельнулся вовсе. Он смотрел куда-то вперёд, в одну точку, будто слова Максима до него просто не долетели.

— Умер? — эхом повторила Ольга, и на этот раз в её голосе впервые проскользнула дрожь.

— Как это случилось? Расскажите.

— Остановка сердца, — ровным, почти будничным тоном ответила Елена Петровна.

— Это произошло ночью. А утром я обнаружила его.

— Почему вы никому не сказали? — Ольга резко поднялась из-за стола, и стул чуть не опрокинулся за её спиной.

— Почему не разбудили нас всех? Мы имели право знать сразу.

— Я хотела сперва разобраться, что делать дальше, — спокойно пояснила Елена Петровна, не меняя позы.

— Связи здесь нет, а до ближайшей станции далеко. Полиция не сможет приехать раньше чем через два дня.

Я не хотела сеять панику раньше времени.

— Панику? — в голосе Ольги зазвенел горький сарказм.

— Вы скрывали смерть человека, который был здесь главным, который всем заправлял.

Вы вообще понимаете, что это значит для всех нас?

— Понимаю, — так же ровно ответила Елена Петровна, и в её взгляде мелькнуло что-то похожее на усталость.

— Именно поэтому я и решила сначала всё обдумать.

Максим наблюдал за этой сценой, словно изучал сложный, болезненно живой механизм.

Он ловил каждое движение: как чьи-то руки судорожно ищут опору на столе, как глаза бегают по комнате, избегая встречаться друг с другом.

Кто-то из этих людей знал больше, чем говорил.

А кто-то, возможно, был причастен к самой смерти доктора.

И сейчас этот человек сидел или стоял здесь, смотрел на Максима и лихорадочно соображал, как лучше замести следы.

— Я хочу осмотреть его кабинет, — сказал Максим. — И комнату, где он умер.

— Я вас провожу, — сказала Елена Петровна.

— Нет. Я пойду один все остальные останутся здесь.

Он медленно обвёл взглядом присутствующих.

Никто не произнёс ни слова в возражение.

Даже Ольга, у которой на лице читалось явное желание что-то сказать, в итоге сдержалась и промолчала.

Максим молча вышел из столовой, оставив за спиной напряжённую тишину.

Коридор встретил его полумраком — свет был лишь у лестницы.

Одинокая лампа отбрасывала длинные, причудливо изогнутые тени на стены и пол.

Он уверенно поднялся на второй этаж, шаги его звучали глухо.

В конце коридора виднелась комната Верховая — та самая, в которой горел свет, когда Максим подъезжал к дому.

Дверь оказалась прикрытой, но не запертой, будто кто-то недавно входил или собирался выйти.

Он тихо толкнул дверь и переступил порог.

Комната впечатляла размерами и продуманной обстановкой.

Тяжёлый письменный стол, солидное кожаное кресло, стеллажи с книгами, поднимавшиеся почти до самого потолка, — всё выглядело дорого и основательно.

Но на столе царил откровенный беспорядок: разбросанные бумаги, раскрытые папки, перевёрнутая чернильница.

Было ясно: здесь кто-то рылся, и делал это в большой спешке.

Максим приблизился к столу, но не стал ничего трогать — только внимательно смотрел, фиксируя в памяти расположение вещей.

Затем он неспешно обошёл комнату, изучая стены, пол и окно.

Окно оказалось приоткрытым, а на подоконнике виднелись отчётливые следы грязи.

«Кто-то входил через него... или выходил?» — промелькнула у Максима тревожная мысль.

Вернувшись к столу, он присел на корточки возле ножки. Там, у самого основания, белел какой-то небольшой предмет.

Максим наклонился, присмотрелся и осторожно поднял находку.

Это был крошечный смятый клочок бумаги — такой, будто его выронили впопыхах.

Он бережно развернул листок, вглядываясь в едва замет-

ные строки.

На клочке было написано всего два слова, набранных на печатной машинке:

«Он знает».

Максим перевернул бумажку. С другой стороны — ничего. Он сунул её в карман и выпрямился.

Он не знал, что это значит. Не знал, кто написал. Это было только начало.

Максим вышел из кабинета и тихо прикрыл за собой дверь.

В коридоре стояла непривычная тишина — слишком густая, почти звенящая.

Он бросил взгляд в сторону комнаты номер семь: дверь оставалась плотно закрытой.

За этой дверью сидел человек, который был ему братом.

Человек, в глазах которого не было ни намёка на узнавание.

Максим устало прислонился к холодной стене и на мгновение закрыл глаза.

Его одолевали усталость и глухой, тяжёлый страх.

Он не знал, какой шаг сделать дальше — все пути казались одинаково тёмными.

Но одно он понимал твёрдо: уезжать нельзя.

Не сейчас, пока так много вопросов остаются без ответов.

Он снова открыл глаза и устремил взгляд на дверь комнаты номер семь.

— Я вернусь, — прошептал он едва слышно. — Я тебя вытащу обещаю.

С этими словами он развернулся и медленно пошёл вниз по лестнице.

Глава 4. Тело

Максим спустился в холл и остановился. Свет в столовой ещё горел, оттуда доносились приглушённые голоса — кто-то переговаривался, кто-то, кажется, плакал. Он не пошёл к ним вместо этого он направился к Елене Петровне, которая стояла у лестницы, словно ждала его.

— Где тело? — спросил он тихо.

Елена Петровна посмотрела на него. В её глазах мелькнуло что-то — то ли одобрение, то ли тревога. Она кивнула и повела его за собой, вглубь первого этажа, мимо столовой, мимо кухни, в узкий коридор, который заканчивался дверью с табличкой «Медицинский кабинет».

— Здесь, — сказала она.

— Я перенесла его сюда. Не хотела оставлять в спальне. Там был беспорядок: разбитый стакан, рассыпанные таблетки. Я решила, что нужно убрать.

Максим нахмурился. «Оговорила».

Елена Петровна открыла дверь и пропустила его вперёд. Медицинский кабинет был небольшим, но хорошо оборудованным: кушетка, шкаф с лекарствами, стол, аппарат для измерения давления, старая лампа на штативе. На кушетке, накрытое простынёй, лежало тело.

Максим подошёл ближе. Он не боялся мертвецов — за годы работы в органах он видел всякое. Но сейчас его сердце

билось быстрее обычного. Не из-за страха из-за чего-то другого. Из-за ощущения, что он стоит на пороге чего-то важного.

Он откинул простыню.

Доктор Пётр Аркадьевич Верхов выглядел старше, чем Максим ожидал. Худое лицо, седые волосы, длинный нос, тонкие губы. Глаза были закрыты, и на лице застыло выражение, которое Максим не смог расшифровать. Спокойствие? Удивление? Или просто пустота?

— Вы сказали, остановилось сердце, — сказал Максим, осматривая тело. — Это заключение врача?

— Я не врач. Я медсестра. Но я видела достаточно смертей, чтобы понять, когда человек мёртв.

— И что именно вы увидели?

Елена Петровна помолчала.

— Он лежал на полу. Рядом — разбитый стакан. Запах... запах был странный. Не могу описать, что-то среднее между миндалём и... и чем-то ещё.

— Миндаль, — повторил Максим. — Вы знаете, что это может означать?

— Цианид? — предположила она. — Но я не уверена я же не химик.

Максим снова посмотрел на тело. Он наклонился, вглядываясь в лицо. Кожа была бледной, но без характерных для отравления пятен. Губы слегка посинели — признак недостатка кислорода. Но это могло быть и следствием остановки

сердца.

Он осторожно взял руку Верховова. Пальцы были холодными, окоченение ещё не наступило — значит, смерть наступила не так давно. Может быть, шесть-восемь часов назад. Может быть, больше.

— Вы трогали что-нибудь? — спросил Максим. — Переставляли?

— Нет. Только перенесла тело. И убрала осколки. Но всё остальное — как было.

Максим отпустил руку и выпрямился. Он обвёл взглядом кабинет. Шкаф с лекарствами был приоткрыт — несколько пузырьков стояли не на своих местах. На столе лежала история болезни — раскрытая на середине. Максим подошёл, заглянул. Почерк был мелкий, неразборчивый. Он разобрал только несколько слов: «...пациент... нестабилен... риск...».

— Чья это история? — спросил он.

Елена Петровна подошла ближе.

— Не знаю, я не читала. Доктор мне не позволял.

Максим закрыл папку и сунул её под мышку. Потом посмотрел на Елену Петровну.

— Вы сказали, что утром нашли его в спальне. Где спальня?

— На втором этаже. Рядом с кабинетом дверь напротив.

— Почему вы не сказали мне об этом сразу?

— Вы не спросили.

Максим кивнул. Справедливо. Он вышел из кабинета и

направился обратно к лестнице. Елена Петровна шла за ним, но он остановил её жестом.

— Я пойду один.

— Хорошо.

Он поднялся на второй этаж. Коридор был тёмным, но теперь он знал, куда идти. Спальня Верхова находилась напротив кабинета — дверь была прикрыта, но не заперта. Максим толкнул её и вошёл.

Комната была небольшой, но уютной. Кровать, тумбочка, шкаф, кресло у окна. На полу — тёмное пятно, которое Елена Петровна, вероятно, попыталась оттереть, но не до конца. Пятно было не от крови. Скорее от жидкости — разлитого лекарства или чего-то ещё.

Максим присел на корточки. Он провёл пальцем по краю пятна, понюхал. Запах был слабым, почти неуловимым. Но он его узнал. Горький миндаль. Тот самый запах, о котором говорила Елена Петровна.

Цианид. Или что-то очень похожее.

Он поднялся и осмотрел комнату дальше. На тумбочке — книга, очки, стакан с водой. Вода была чистой. В шкафу — одежда, аккуратно развешанная. Ничего необычного. Но Максим чувствовал, что что-то упускает.

Он вернулся к пятну. Оно было странной формы — не круглое, как от упавшего стакана, а вытянутое, словно жидкость разлилась, когда человек пытался её смахнуть. Или когда он падал.

Максим закрыл глаза и попытался восстановить картину. Верхов стоит у кровати. Пьёт лекарство и внезапно чувствует себя плохо, стакан падает. Он хватается за что-то — за тумбочку? за кресло? — и падает на пол. Умирает.

Но если он пил лекарство сам, откуда цианид? В его собственном лекарстве? Или кто-то подсыпал?

Максим открыл глаза. Он посмотрел на стакан с водой на тумбочке. Вода была чистой. Но осадок от цианида мог быть невидимым. Он не мог проверить здесь, без лаборатории. Но он мог запомнить.

Он вышел из спальни и вернулся в кабинет. Там он сел за стол Верхову и открыл папку, которую взял с собой. История болезни. Почерк был действительно неразборчивым, но Максим разбирал слово за словом. Это была история пациента — мужчины, сорока двух лет. Диагноз: «Диссоциативная амнезия». Лечение: «Экспериментальная терапия». Результат: «Частичное восстановление. Нестабильно».

Имя пациента было стёрто. Точнее, замазано чёрными чернилами. Максим поднёс лист к свету, но не смог разобрать ничего, кроме первой буквы. «Г».

Григорий.

Максим отложил папку, и в голове у него медленно прояснялись мрачные детали.

Выходило, что доктор Верхов вёл подробные записи о Григории — о ходе лечения, о так называемом «частичном восстановлении».

Судя по сухим строчкам и пометкам на полях, это восстановление было крайне нестабильным.

Настолько нестабильным, что сам доктор считал состояние пациента рискованным.

Максим откинулся на спинку кресла, позволяя мыслям течь свободно.

Постепенно в сознании складывалась пугающая картина. Верхов явно ставил эксперименты с человеческой памятью.

Артём был одним из его пациентов.

Григорий — другим.

Маша, дочь Алисы и Дениса, — третьей.

Что именно с ними делали в этих стенах?

Что они всё-таки помнили, а что было стёрто или подменено?

И что в конце концов случилось с самим Верховым?

В памяти всплыл тот самый клочок бумаги, найденный под столом: «Он знает».

Два коротких слова, отпечатанные на машинке, теперь казались зловещей загадкой.

Кто этот «он»? Что он знает? И почему записку оставили именно здесь?

Максим достал бумажку из кармана и снова взгляделся в буквы.

Рядом стояла старая пишущая машинка — с потёртыми клавишами и чуть перекошенным корпусом.

Он подошёл, вставил чистый лист и аккуратно набрал те же два слова.

Сравнивая строки, он убедился: шрифт полностью совпал.

Значит, записку напечатали прямо в этом кабинете.

Кто-то сидел за этой машинкой, стучал по клавишам и знал нечто важное.

И этот кто-то, возможно, всё ещё был где-то рядом.

Максим вынул лист из машинки и скомкал его. Потом положил оба клочка в карман.

Он вышел из кабинета и направился к комнате номер семь. Дверь была закрыта. Он постоял перед ней, собираясь с духом. Потом постучал.

Ответа не было.

Он постучал снова.

— Артём? — позвал он. — Это я. Максим.

В комнате повисла глухая тишина.

Потом донёсся едва уловимый шорох, будто кто-то осторожно ступал по полу.

Раздались тихие шаги, и дверь медленно приоткрылась.

На пороге стоял Артём — всё такой же хрупкий и бледный, с длинными прядями волос, падающими на лицо.

В его взгляде не мелькнуло и тени узнавания — он смотрел на Максима, словно видел его впервые.

— Вы опять здесь, — произнёс он без эмоций.

— Да, — ответил Максим. — Можно зайти?

Артём молча пожал плечами и чуть отступил, освобождая проход.

Максим переступил порог и огляделся: комната была тесной и почти лишённой уюта.

У стены стояла узкая кровать, рядом — простой стул и маленькая тумбочка.

Стены оставались голыми, а на окне виднелась решётка — не массивная, но достаточно прочная, чтобы удержать человека внутри.

— Ты хоть что-нибудь вспоминаешь? — тихо спросил Максим.

— Нет, — коротко бросил Артём.

Он опустился на кровать и уставился в пол.

Его пальцы, лежавшие на коленях, то сжимались, то разжимались, будто он пытался нащупать что-то ускользающее.

— Иногда... — прошептал он после долгой паузы. — Иногда перед глазами мелькают какие-то образы. Словно обрывки сна. Только я не понимаю, что это за картинки.

— Расскажи, что видишь, — настаивал Максим.

— Там вода, очень много воды, и такой пронизывающий холод. И ещё... будто кто-то зовёт меня. Но я не могу разобрать имени — слышу только голос.

Максим почувствовал, как к горлу подкатил тяжёлый комок, а внутри всё сжалось.

Он сразу узнал эти обрывки видений — то было озеро, та самая роковая ночь.

Это он звал Артёма, когда тот уходил под воду, выкрикивал его имя, надрывая голос.

— Это был я, — тихо, но твёрдо произнёс Максим. — Это я тебя звал. Там, на озере.

Артём медленно поднял глаза. В них на долю секунды мелькнуло что-то — лёгкая тень, едва уловимый отголосок далёкого воспоминания. Но тут же растаяло, словно его и не было.

— Вы? — переспросил он, будто пытаюсь ухватиться за эту мысль. — Почему именно вы?

— Потому что ты мой брат, — ответил Максим. — Я пытался тебя спасти.

Долгое молчание повисло между ними. Артём вглядывался в лицо Максима, и черты его постепенно менялись. Не вспыхнуло узнавание — этого так и не случилось. Но появилось другое: растерянность, смешанная со страхом, будто перед ним разверзалась бездна.

— У меня нет брата, — наконец выговорил он, голос звучал ровно, почти безжизненно. — Мне так говорили. Доктор говорил. У меня вообще никого нет.

— Доктор врал, — твёрдо сказал Максим, не отводя взгляда.

— Зачем? — в голосе Артёма прозвучала искренняя, почти детская растерянность.

— Не знаю, — честно признался Максим. — Но я выясню и я найду ответ.

Артём покачал головой и снова опустил глаза, будто не в силах выдерживать этот разговор.

— Я не помню вас, — тихо произнёс он. — Вообще ничего не помню. Не знаю, кто я, не понимаю, зачем я здесь. Я просто... существую и это всё, что у меня есть.

Максим шагнул ближе и сел на стул возле кровати, стараясь держаться спокойно, хотя внутри всё дрожало.

— Я понимаю, — сказал он. — Понимаю, как это невыносимо тяжело, но я хочу помочь. Хочу вернуть тебя.

— Вернуть? — Артём горько усмехнулся, и в этой усмешке не было ни капли веселья. — Меня некуда возвращать, ведь меня просто нет.

— Ты есть, — настойчиво проговорил Максим. — Ты здесь, ты живой.

— Живой, — эхом повторил Артём, пробуя слово на вкус. — Но это уже не я.

Максим замер, не зная, какие слова подобрать. Он смотрел на брата, и сердце будто рвалось на части. Ему хотелось обнять его, встряхнуть, закричать, что всё обязательно наладится. Но он понимал: это была бы ложь. Он не мог обещать, что всё будет хорошо. Он не знал, получится ли вернуть Артёма. Не знал даже, с какой стороны подступиться к этой пропасти, поглотившей память и личность брата.

Он протянул руку и коснулся плеча Артёма. Тот вздрогнул, но не отстранился.

— Я останусь здесь, — сказал Максим. — Я не уеду, буду

приходить к тебе каждый день. И я буду говорить с тобой, может быть, что-то вспомнится. Но я не оставлю тебя.

Артём посмотрел на него. В его глазах не было благодарности и не существовало надежды. Но было что-то другое, что-то, что Максим не мог назвать. Может быть, удивление или любопытство. Возможно, это первые проблески доверия..

— Хорошо, — сказал Артём. — Приходите.

Максим кивнул. Он встал и пошёл к двери. У порога он обернулся.

— Артём.

— Что?

— Ты помнишь, как тебя зовут?

Артём молчал. Потом сказал:

— Артём. Мне говорили, что меня зовут Артём.

— Это правда. Тебя зовут Артём и ты мой брат.

Он вышел и закрыл за собой дверь. В коридоре он прислонился к стене и закрыл глаза. Сердце болело не физически — глубже. Там, где когда-то была любовь, теперь была рана. И эта рана кровоточила.

Он постоял так минуту. Потом выпрямился и пошёл вниз.

В столовой его ждали. Все пятеро сидели за столом, и когда он вошёл, они подняли головы. В их глазах был вопрос.

— Я осмотрел тело, — сказал Максим. — У меня есть вопросы. Но сначала я хочу увидеть дневник Маши.

Алиса вздрогнула. Денис сжал её руку.

— Сейчас?

— Да сейчас.

Они переглянулись. Потом Алиса кивнула и встала. Она вышла из столовой и вернулась через минуту с тонкой тетрадью в руках. Тетрадь была потрёпанной, с загнутыми уголками, с рисунками на обложке — цветы, солнце, что-то ещё.

Максим взял её. Он открыл первую страницу. Почерк был детский, неровный, но разборчивый.

«Меня зовут Маша. Мне 14 лет. Я не знаю, что со мной происходит. Мама и папа думают, что я больна. Но я не больна. Я просто... не такая, как все. Доктор Верхов говорит, что поможет. Я ему верю. Он добрый».

Максим перевернул страницу. Дальше — записи, датированные разными днями. Он читал быстро, но внимательно. Маша писала о том, как ей страшно, как она не понимает, что с ней делают, как таблетки стирают её мысли. Она писала о других пациентах — о мальчике, который не помнил своего имени, о мужчине, который иногда кричал по ночам. Она писала о докторе — о том, как он становится другим, когда злится, как он говорит странные вещи.

И потом — запись, от которой у Максима похолодели руки:

«Сегодня я видела, как доктор разговаривал с человеком. Они не знали, что я слышу. Доктор сказал: "Он почти готов. Ещё один сеанс, и он забудет всё". А человек ответил: "Хорошо. Заказчик ждёт". Я не знаю, что это значит. Но

мне страшно».

Максим закрыл тетрадь. Он посмотрел на Алису.

— Вы читали это?

— Да, — сказала она. — Всё.

— Что ещё вы нашли?

Алиса и Денис переглянулись.

— Мы нашли ещё кое-что, — сказал Денис. — В подвале там в кладовой. Там много документов. Мы не всё успели посмотреть. Но там есть папки с именами и фотографиями. Там есть Артём, Григорий ... и Маша.

Максим встал.

— Покажите мне.

Глава 5. Подвал

Подвал встретил их холодом и запахом сырости. Максим спускался первым, держа фонарь, который дала ему Елена Петровна. За ним шли Алиса и Денис, прижимаясь друг к другу, как будто темнота могла их разделить. Лестница была крутой и скользкой, ступени скрипели под ногами, и каждый звук отдавался эхом в узком каменном колодце.

— Осторожно, — сказал Денис. — Здесь последняя ступень шатается.

Максим нащупал ногой твёрдую поверхность и шагнул вниз. Фонарь выхватил из темноты длинный коридор с низким потолком, трубами вдоль стен и лужами на полу. Где-то капала вода — мерно, ритмично, как метроном.

— В конце коридора, — сказала Алиса. — Кладовая за котельной.

Они пошли. Максим считал двери — их было три, все закрытые. Четвёртая, в самом конце, была приоткрыта. Из-за неё пробивалась полоска света — тусклая, желтоватая. Кто-то оставил здесь лампу.

Максим толкнул дверь.

Кладовая оказалась больше, чем он ожидал. Это была просторная комната с бетонными стенами, заставленная стеллажами и картонными коробками. В углу стоял старый письменный стол, на нём — керосиновая лампа, которая и дава-

ла этот тусклый свет. Рядом — стопка папок, разбросанных, перепутанных. Кто-то уже был здесь. Кто-то искал.

— Мы не трогали, — сказала Алиса, словно прочитав его мысли. — Всё так и было.

Максим подошёл к столу. Папки были старые, с выцветшими корешками. На некоторых — даты. Он взял верхнюю. На ней было написано от руки: «Корнеев А. С. — история болезни».

Он открыл её. Внутри — те же машинописные листы, что и в кабинете Верхово. Те же записи. Но здесь было больше. Гораздо больше. Максим пролистал страницы, вчитываясь в строчки.

«Пациент доставлен 14 октября 2014 года. Состояние тяжёлое. Полная амнезия. Физических повреждений нет. Кожные покровы бледные. Реакция на внешние раздражители снижена».

«20 октября. Пациент приходит в себя. Называет себя Артёмом. Помнит отдельные фрагменты прошлого: имя брата, название города, где жил. Не помнит обстоятельств, приведших к потере памяти».

«5 ноября. Первый сеанс гипнотической регрессии. Пациент вспоминает озеро. Сильный эмоциональный отклик. Плач. Прерывание сеанса».

«12 ноября. Второй сеанс. Пациент вспоминает брата. Имя — Максим. Говорит, что брат пытался его спасти. Уверен, что брат мёртв. Не может объяснить, почему».

Максим остановился. Он перечитал последнюю строчку трижды. «Уверен, что брат мёртв». Артём думал, что Максим умер. Почему? Что ему сказали? Что с ним сделали?

Он перевернул страницу.

«20 ноября. Состояние ухудшается. Пациент отказывается от еды. Повторяет, что должен вернуться. Куда — не объясняет. Доктор Верхов принял решение о начале экспериментальной терапии».

«25 ноября. Первый сеанс экспериментальной терапии. Введение препарата "Мнемозина". Пациент погружён в глубокий сон. Продолжительность — 12 часов. При пробуждении — дезориентация. Не помнит своего имени. Не помнит брата».

Максим почувствовал, как внутри всё сжалось. «Мнемозина». Он не знал, что это за препарат. Но название было красноречивым. Мнемозина — богиня памяти. И Верхов, судя по всему, пытался эту память переписать.

— Что там? — спросил Денис.

— Эксперименты, — сказал Максим. — Верхов ставил на моём брате опыты. Стирал ему память. И каждый раз снова и снова.

Он пролистал дальше. Записи становились всё короче и суше. «Состояние стабильно. Пациент не помнит прошлого. Функции сохранены». «Повторный сеанс. Пациент не реагирует на стимулы. Погружение в сон. Пробуждение без изменений». «Пациент переведён в палату постоянного наблюдё-

ния. Контакт с внешним миром ограничен».

Последняя запись была датирована прошлым годом: *«Пациент полностью утратил автобиографическую память. Личность не восстановлена. Проект признан неудачным. Наблюдение продолжается»*

Максим закрыл папку. Руки дрожали. Он не хотел читать дальше. Но он знал, что должен.

Он отложил папку Артёма и взял следующую. «Григорий Н. — история болезни». Здесь записей было меньше, но они были страшнее. Григорий поступил в пансионат восемь лет назад. Диагноз — «психогенная амнезия». Верхов лечил его «Мнемозиной». И, судя по записям, лечение дало результат. Григорий перестал помнить своё прошлое совсем. Но вместо этого он начал помнить чужое.

«Пациент демонстрирует воспоминания, не принадлежащие ему. Описывает сцены, которых не мог видеть. Утверждает, что это его жизнь. При проверке — сцены совпадают с биографиями других пациентов. Предположительно, происходит перенос имплантированной памяти».

Максим нахмурился. Перенос памяти это было уже за гранью. Верхов не просто стирал прошлое — он пытался записывать новое. И у него почти получилось.

Он взял третью папку. «Маша В. — история болезни». Открыл. Первые записи были сделаны год назад. Девочка поступила с диагнозом «депрессивный эпизод». Верхов начал лечение. Сначала — обычные препараты. Потом — «Мне-

МОЗИНА».

«Пациентка проявляет высокую внушаемость. Реакция на препарат положительная. Воспоминания поддаются коррекции. Проведён первый сеанс имплантации. Пациентка приняла чужую биографию без сопротивления».

Максим перевернул страницу. Следующая запись была сделана через месяц.

«Пациентка жалуется на головные боли. Видит сны, которые не может объяснить. Утверждает, что чувствует присутствие другого человека внутри себя. Доктор Верхов рекомендует продолжить курс».

Ещё через месяц:

«Состояние пациентки нестабильно. Приступы агрессии. Потеря ориентации. Доктор Верхов принял решение о прекращении эксперимента. Пациентка переведена в отдельную палату».

Последняя запись:

«Пациентка покинула пансионат. Дальнейшая судьба неизвестна».

Максим закрыл папку. Он посмотрел на Алису. Она плакала — тихо, беззвучно, прижав ладонь ко рту. Денис обнимал её за плечи, и его лицо было серым, как стена.

— Здесь написано, что она уехала, — сказал Максим. — Но Верхов сказал вам, что она умерла.

— Он врал, — прошептала Алиса. — Он всегда врал.

Максим отложил папку и осмотрел стеллажи. Здесь были

коробки с документами — десятки, может быть, сотни. Имена, даты, диагнозы. Он провёл пальцем по корешкам. Некоторые папки были пусты. Некоторые — заполнены до отказа. Он вытащил одну наугад. «Пациент № 47. Имя неизвестно». Внутри — только фотография. Мужчина, лет тридцати, с пустым взглядом. На обороте — надпись: «Сеанс 12. Полная утрата личности. Отказ от дальнейшего наблюдения».

Максим положил папку обратно. Он чувствовал, как внутри нарастает холод. Этот пансионат был не клиникой. Это была фабрика. Фабрика по производству пустых людей.

— Здесь есть ещё что-то, — сказал Денис. Он стоял у дальнего стеллажа, держа в руках небольшую коробку. — Посмотрите.

Максим подошёл. В коробке лежали фотографии — много, беспорядочно. Он взял верхнюю. На ней были люди — группа, человек десять, стоящие у входа в пансионат. Мужчины, женщины, дети. Они улыбались. На обороте была надпись: «Выпуск 2015. Проект "Новая жизнь"».

— Что это? — спросил Максим.

— Не знаю, — сказал Денис. — Но здесь ещё.

Он перевернул коробку. На дне лежал конверт. Запечатанный. Без надписи. Максим взял его. Конверт был плотным, тяжёлым. Он вскрыл его ножом — тем самым, который когда-то подарил ему Артём.

Внутри был лист бумаги и фотография. Максим развернул лист. Текст был напечатан на машинке — той самой, из

кабинета Верхов.

«Список заказчиков. Проект "Новая жизнь". Оплата произведена. Объекты переданы»

Ниже — имена. Шесть имён. Максим прочитал их. Первое имя он знал. Оно принадлежало человеку, которого он видел по телевизору. Второе — тоже. Третье — женщина, известная в определённых кругах. Четвёртое, пятое, шестое — незнакомые. Но все они были влиятельными и богатыми. Теми, кто мог позволить себе купить человека.

Он посмотрел на фотографию. На ней были те же люди, что и на групповом снимке. Но теперь они стояли поодиночке — каждый рядом со своим «заказчиком». Улыбались и держали чемоданы, как будто уезжали в отпуск.

— Это... — начал Денис, но не договорил.

— Это торговля людьми, — сказал Максим. — Верхов не лечил пациентов. Он их продавал.

Тишина в кладовой стала густой, как смола. Алиса перестала плакать. Она смотрела на фотографию, и её глаза расширились.

— Маша... — прошептала она. — Она тоже была здесь. В этом списке?

Максим перевернул лист. Внизу, отдельной строкой, было дописано от руки: «Маша В. — отказ. Возврат невозможен. Утилизация».

Алиса вскрикнула. Денис поймал её, не дал упасть. Максим сжал лист так, что бумага смялась.

— Утилизация, — повторил он. — Они убили её. Или... или сделали с ней что-то хуже.

Он сунул лист и фотографию в карман. Потом посмотрел на стеллажи. Здесь были доказательства. Десятки, сотни доказательств. Этого хватило бы, чтобы посадить не только Верхову, но и всех его заказчиков. Но Верхов был мёртв. А заказчики — на свободе.

— Нужно забрать это, — сказал Максим. — Всё. Каждую папку. Каждую фотографию.

— Как? — спросил Денис. — Здесь слишком много.

— Возьмём самое важное. Остальное сфотографируем. У меня есть телефон. Зарядка почти села, но хватит.

Они начали работать. Максим фотографировал документы, Алиса складывала папки в сумку, которую нашла в углу, Денис перебирал коробки. Они работали молча, быстро, как будто боялись, что кто-то придёт и остановит их.

Через час сумка была набита доверху. Максим сделал больше сотни снимков. Он устал, глаза слезились от тусклого света, но он не останавливался. Он чувствовал, что время уходит. Что если они не успеют, всё это исчезнет — как исчез архив Верхову, как исчезли пациенты, как исчезла Маша.

— Всё, — сказал он наконец. — Уходим.

Они поднялись по лестнице, в холле было тихо. Свет в столовой погас. Максим посмотрел на часы — было почти три ночи. Они провели в подвале больше четырёх часов.

— Идите в свои комнаты, — сказал он Алисе и Денису.

— Запритесь и не открывайте никому, кроме меня.

— А вы? — спросила Алиса.

— Я буду в комнате Верхова, нужно ещё раз всё осмотреть.

Они кивнули и ушли. Максим проводил их взглядом, потом поднялся на второй этаж. Он вошёл в кабинет Верхова и закрыл за собой дверь. Сумка с документами оттягивала плечо. Он поставил её на стол и сел в кресло.

Он вынул из кармана лист со списком заказчиков и фотографию. Положил их на стол. Посмотрел. Шесть имён. Шесть человек, которые купили себе живых людей. И один из них — он был уверен — стоял за смертью Верхова. Потому что Верхов стал опасен. И что он мог заговорить.

Максим откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Он думал об Артёме. О том, что брат сидит в комнате номер семь и не помнит его. О том, что где-то в этом пансионате, может быть, ещё остались люди, которых не успели «утилизировать». О том, что убийца — кто-то из тех, кто сейчас спит в этом доме.

Он открыл глаза и посмотрел на дверь. За ней, в коридоре, было тихо. Слишком тихо.

Он встал, подошёл к двери и приоткрыл её. Коридор был пуст. Но в дальнем конце, у комнаты номер семь, ему показалось, что мелькнула тень. Он вышел и пошёл туда.

Дверь в комнату Артёма была приоткрыта. Максим толкнул её. Внутри было темно, он включил фонарь.

Артём сидел на кровати. Он не спал и его глаза были открыты, и в них было что-то, чего Максим не видел раньше. Что-то, похожее на страх.

— Ты чего не спишь? — спросил Максим.

Артём посмотрел на него. Потом сказал тихо:

— Я вспомнил.

Максим замер.

— Что ты вспомнил?

— Голос тот, кто звал меня на озере. — Артём сглотнул.

— Это был ты. Я вспомнил.

Максим почувствовал, как что-то внутри него дрогнуло. Он сделал шаг к кровати.

— Ты уверен?

— Да, я не помню лица. Но голос... я узнал его. Сегодня, когда ты говорил со мной. Это был ты.

Максим опустился на колени перед кроватью. Он взял руку брата. Она была холодной, но живой.

— Это был я, — сказал он. — Я звал тебя, пытался тебя спасти.

Артём посмотрел на него. В его глазах что-то боролось — страх, сомнение, надежда. И потом — слёзы. Первые слёзы, которые Максим видел у него за всё это время.

— Я не помню тебя, — сказал Артём. — Но я... я хочу помнить.

Максим сжал его руку.

— Ты вспомнишь, я помогу тебе.

Они сидели так долго — в темноте, держась за руки. Два брата, разделённые десятью годами и стёртой памятью. Но что-то между ними начало восстанавливаться. Медленно, хрупко, как первый росток на выжженной земле.

Максим не знал, что будет дальше. Не знал, кто убил Верхова. Не знал, сможет ли он вытащить Артёма. Но он знал одно: он не один. Брат вернулся. Пусть не полностью. Пусть не таким, как раньше, но вернулся.

И это было началом.

Глава 6. Утро

Максим проснулся от холода. Он лежал в кресле в кабинете Верхова, укрытый собственным пальто, и не сразу понял, где находится. Первые несколько секунд он смотрел в потолок, пытаясь вспомнить, что произошло. Потом память вернулась — подвал, документы, Артём, его слова: «Я вспомнил голос».

Он сел, растирая затёкшую шею. За окном было серо — рассвет только начинался, но дождь прекратился. В комнате стоял холодный полумрак. Сумка с документами лежала на столе, там же, где он её оставил. Максим проверил — всё на месте. Он достал телефон. Зарядка почти села, но фотографии сохранились. Он сделал ещё несколько снимков списка заказчиков и спрятал телефон во внутренний карман.

Потом встал, подошёл к окну и выглянул. Озеро было спокойным, серым, как олово. Туман стелился над водой, скрывая противоположный берег. Где-то кричала птица — резко, пронзительно, как будто предупреждала о чём-то.

Максим умылся в маленькой ванной, примыкавшей к кабинету, — холодная вода взбодрила, но не прогнала тяжести в голове. Он думал об Артёме. О том, что брат начал вспоминать. Это было чудом — или чем-то очень похожим на чудо. Но это также означало, что память Артёма не стёрта до конца. Что-то осталось. Что-то, за что можно было зацепиться.

Он вышел в коридор. Дверь комнаты номер семь была закрыта. Максим постоял перед ней, но не стал стучать. Артём спал — или не спал, но нуждался в покое. Он вернётся позже.

Спускаясь вниз, он услышал голоса. В столовой кто-то был. Максим вошёл и увидел Елену Петровну, которая накрывала на стол. Она выглядела так, будто не спала всю ночь — под глазами залегли тёмные круги, движения были замедленными.

— Доброе утро, — сказала она, не оборачиваясь. — Чай будет через минуту.

— Кто-нибудь ещё встал?

— Ольга. Она в своей комнате. Игнат в холле. Остальные, кажется, ещё спят.

Максим сел за стол. Елена Петровна поставила перед ним чашку с чаем и тарелку с хлебом и сыром. Он не был голоден, но заставил себя откусить кусок — нужно было поддерживать силы.

— Вы долго были в подвале, — сказала Елена Петровна. Это был не вопрос.

— Да. Нашёл кое-что.

— Что именно?

Максим посмотрел на неё. Он не знал, можно ли ей доверять. Но она была здесь дольше всех, кроме, может быть, Игната. Она знала Верхов. И знала пациентов. Она знала больше, чем говорила.

— Документы, — сказал он. — Истории болезни, списки, имена.

Елена Петровна замерла. Потом медленно опустилась на стул напротив.

— Вы нашли список заказчиков?

Максим не ответил. Он смотрел на неё, и она выдержала этот взгляд. Её лицо не дрогнуло.

— Значит, нашли, — сказала она тихо. — Я знала, что он где-то там. Верхов говорил, что уничтожил его. Но он врал. Он всегда врал.

— Вы знали о заказчиках?

— Знала, что они есть. Не знала имён.

— Но вы знали, что Верхов продаёт людей.

Пауза. Елена Петровна опустила глаза.

— Да, — сказала она. — Знала.

Максим отставил чашку. Он чувствовал, как внутри поднимается холодная ярость. Но он не позволил ей выйти наружу. Сейчас не время.

— Почему вы не остановили его?

— Я пыталась. Однажды. — Елена Петровна подняла глаза. В них была боль — старая, застарелая, как рана, которая никогда не заживала. — Я пошла в полицию. В Заозёрске. Написала заявление. Через неделю меня уволили. Через две — пригрозили. Сказали, что если я не замолчу, то пожалею. Я испугалась. У меня была дочь, внуки. Я не могла рисковать.

— И вы остались.

— Осталась. Продолжала работать. Делала вид, что ничего не знаю. Иногда... иногда я помогала пациентам тайком. Передавала записки, лекарства. Но это было всё, что я могла.

Максим молчал. Он не мог её осуждать. Он сам когда-то ушёл из органов, потому что не смог справиться. Он знал, что такое страх. Знал, что такое чувство собственного бессилия.

— Кто ещё знал? — спросил он. — Кто из тех, кто сейчас здесь?

Елена Петровна задумалась.

— Ольга знала. Она была любовницей Верхов, и она вела документы. Она не могла не знать. Игнат... Игнат знал больше, чем говорил. Он был пациентом. Он прошёл через то же, что и ваш брат.

— Игнат? — переспросил Максим. — Он был пациентом?

— Да. Он был одним из первых. Верхов экспериментировал на нём. Но Игнат... он сопротивлялся. Он не потерял память полностью. Только фрагменты. Он помнит своё имя, помнит, что был художником. Но не помнит, откуда он, кто его семья. Он остался здесь, потому что ему некуда было идти.

Максим вспомнил Игната — тихого, бледного, с дрожащими руками. Человека, который рисовал портреты пациентов, потому что не мог рисовать себя. Он был жертвой. Такой же, как Артём.

— А Григорий?

Елена Петровна помрачнела.

— Григорий — особый случай. Он был одним из немногих, кто прошёл эксперимент до конца. Верхов считал его успехом. Но Григорий... он опасен. Он не контролирует себя. Иногда он впадает в состояние, когда не понимает, что делает. Верхов держал его здесь, потому что боялся, что он навредит кому-то снаружи.

— Он мог убить Верхову?

Елена Петровна долго молчала. Потом сказала:

— Мог. Но я не знаю. Он не помнит. Я спрашивала его утром. Он сказал, что спал. Но он мог и не помнить.

Максим кивнул. Он отложил эту мысль. Григорий был подозреваемым. Но были и другие. Ольга. Алиса. Денис. Даже Игнат. И Елена Петровна сама.

Он встал из-за стола.

— Мне нужно поговорить с Игнатом.

Он нашёл художника в холле. Игнат сидел в кресле у камина, хотя огонь давно погас. На коленях у него был альбом, и он что-то рисовал — быстрыми, нервными штрихами. Он не поднял головы, когда Максим вошёл.

— Можно?

Игнат кивнул. Максим сел в соседнее кресло.

— Елена Петровна сказала, что вы были пациентом Верхову.

Карандаш Игната остановился. Потом продолжил движе-

ние — медленнее, осторожнее.

— Да, — сказал он. — Был.

— Когда?

— Давно. Лет восемь назад. Может, девять.

— Что вы помните?

Игнат отложил карандаш. Он посмотрел на Максима, и его глаза были усталыми, как у старого пса, который давно перестал ждать от людей чего-то хорошего.

— Помню, что держал кисть в руках, был художником, — тихо проговорил Игнат. — И что жил в другом городе. Помню обрывки... А ещё... — он запнулся, будто споткнулся о собственную неуверенность. — Кажется, у меня была жена. Или сестра. Не могу сказать точно. Сомнение царапало каждое слово.

— Верхов стирал вам память? — голос Максима звучал ровно, но в нём звенела сдерживаемая напряжённость.

— Частично, — кивнул Игнат. — Он хотел уничтожить всё до основания. Но что-то пошло не так, я сопротивлялся. Сознание будто цеплялось за осколки. Он злился. Называл меня «трудным пациентом», будто это был приговор.

— Он наказывал вас за это?

Игнат медленно опустил глаза, словно стыдясь собственной слабости.

— Бывало, — коротко ответил он.

Максим замер, не шевелясь. Внутри всё сжималось, стя-

гиваясь в тугой, горячий узел злости. Верхов был не врачом — он был монстром, прятавшимся за белым халатом, калечившим души и называвшим это наукой.

— Вы знали моего брата? — спросил Максим, и голос чуть дрогнул, хотя он старался держать его твёрдым.

Игнат снова кивнул.

— Да. Мы лежали в соседних палатах. Иногда удавалось перекинуться парой слов. Артём... он был тихий, спокойный. Но в нём жила упрямая надежда. Он всё время спрашивал, где его брат. Говорил, что должен вернуться, что ты его ждёшь.

У Максима перехватило дыхание, горло сдавило так, что стало трудно глотать.

— А что отвечал Верхов?

— Что брат мёртв, — глухо произнёс Игнат. — Что нужно забыть. Что прошлое — это боль, а он избавит от боли.

Максим закрыл глаза. Перед внутренним взором вспыхнула картина: Артём в пустой палате, снова и снова задаёт один и тот же вопрос, а ему спокойно, буднично отвечают, что Максима нет, что его не существует, что нужно стереть даже память о нём. И Артём верил. Не потому что хотел, а потому что был один, потому что некому было сказать иначе, потому что у него не осталось выбора.

— Спасибо, — тихо сказал Максим. — За то, что рассказали.

Игнат кивнул, его пальцы снова сомкнулись вокруг каран-

даша, будто этот простой предмет был единственной опорой.

— Вы найдёте того, кто это сделал? — спросил он, глядя не на Максима, а куда-то в сторону, будто боялся услышать отказ.

— Найду, — твёрдо ответил Максим.

— Хорошо, — выдохнул Игнат. — Потому что я не хочу, чтобы это место осталось безнаказанным. Пусть правда выйдет наружу.

Максим поднялся, шагнул к лестнице и начал подниматься на второй этаж. Остановившись перед дверью комнаты номер семь, он на этот раз не вошёл сразу — сначала постучал.

— Артём? Это я, — позвал он, вслушиваясь в тишину.

Ответа не было. Он постучал снова, чуть громче, но комната молчала. Тогда Максим осторожно толкнул дверь — она поддалась, не запертая, словно ждала его.

Он переступил порог и комната была пуста.

Кровать стояла заправленной — ровно, без единой складки, как в казарме, будто здесь никто и не жил. На тумбочке белел лист бумаги. Максим подошёл и взял его.

Почерк был тот же — чёткий, печатный, знакомый до дрожи, как и в том письме, что он получил раньше.

«Если хочешь увидеть брата живым, найди того, кто убил Верхову. У тебя есть время до заката. Потом будет поздно».

Максим сжал лист в кулаке, бумага хрустела под пальцами. Он снова обвёл взглядом комнату, будто надеялся най-

ти хоть какой-то намёк, хоть тень Артёма. Взгляд скользнул вниз — на полу, у ножки кровати, что-то слабо блеснуло. Он наклонился и поднял тонкую серебряную цепочку. Та самая — которую он подарил Артёму на восемнадцатилетие. Брат никогда её не снимал.

Не раздумывая, Максим сунул цепочку в карман. Потом вышел, прикрыв за собой дверь. В коридоре стояла тишина — густая, неестественно плотная, будто дом затаил дыхание.

В этот момент он отчётливо понял: кто-то ведёт с ним игру. Кто-то знает о нём больше, чем имеет право знать. Кто-то забрал Артёма и оставил это послание не просто так. Это был не случайный убийца — это был человек, который хотел, чтобы Максим докопался до правды. Или чтобы заплатил за неё самую высокую цену.

Спускаясь вниз, он чувствовал, как холодеет спина. В столовой его уже ждали — Ольга, Алиса, Денис, Игнат, Григорий, Елена Петровна. Все сидели за столом, и, когда Максим вошёл, все одновременно повернулись к нему, будто ждали только его шага, только его слов.

— Артём пропал, — сказал Максим, и в этой фразе не было ни дрожи, ни пафоса — только голая, тяжёлая правда. — Кто-то его забрал. И оставил записку.

Он положил лист на стол. Все уставились на него.

— Кто это сделал? — спросила Ольга. Голос у неё был ровным, но в глазах мелькнуло что-то — страх? вина?

— Я не знаю. Но я узнаю. — Максим обвёл их взглядом.

— Я хочу, чтобы все остались здесь. Никто не выходит из дома. Никто не поднимается на второй этаж. Я буду обыскивать комнаты. По одной. Начну с вашей, Ольга.

Ольга побледнела. Но не возразила.

Максим посмотрел на остальных. Кто-то из них знал, где Артём. Кто-то из них написал эту записку. Кто-то из них был убийцей.

И он собирался это выяснить.

— Все остаются здесь, — повторил он. — Я вернусь через час.

Он вышел из столовой и направился к лестнице. В голове у него было холодно и ясно. Он знал, что делать. Он знал, что искать.

Он найдёт брата. Чего бы это ни стоило.

Глава 7. Обыск

Комната Ольги находилась на первом этаже, в конце коридора, за кухней. Максим подошёл к двери и остановился. Он не стал стучать — просто толкнул. Дверь оказалась не заперта.

Внутри было чисто и аккуратно — почти по-военному. Кровать заправлена, на тумбочке — книга и стакан воды, на столе — ноутбук и стопка бумаг, придавленная пресс-папье. Шкаф закрыт, но не на ключ. Окно занавешено и никаких личных вещей — ни фотографий, ни сувениров, ни безделушек. Комната выглядела так, будто в ней никто не жил. Или так, будто человек, живший здесь, старательно прятал всё, что могло его выдать.

Максим начал с тумбочки. Книга — старый детектив в мягкой обложке, потрёпанный, с загнутыми страницами. Стакан с водой — наполовину полный. Он отодвинул книгу и под ней — ничего. Он открыл ящик тумбочки, там лежали таблетки — упаковка снотворного, почти пустая. И маленький блокнот в кожаном переплёте.

Максим взял блокнот. Он был тонким, страниц на сорок. Он открыл первую. Почерк Ольги — мелкий, аккуратный, с сильным наклоном вправо. Записи были датированы разными днями, но без года. Только числа и месяцы.

«Он снова спрашивал про Артёма. Я сказала, что тот

спит. Он не поверил. Смотрел на меня так, будто знал, что я вру».

Максим перевернул страницу.

«Сегодня он ударил меня. Первый раз, я думала, что уйду. Но не смогла уйти. Куда я пойду?»

Ещё страница.

«Он говорит, что я нужна ему. Что без меня он не справится. Я не верю ему. Но остаюсь».

Максим пролистал дальше. Записи становились всё короче. Последняя была сделана за неделю до смерти Верхово.

— Он совсем потерял связь с реальностью, — прошептала она, голос дрожал. — Твердит, что за ним вот-вот придут, что заказчики не простят ни ошибки, ни промедления. В его глазах — чистый ужас, он каждую тень принимает за угрозу. И я тоже боюсь. Не за себя даже,... а потому, что, если он окончательно сломается, он не станет разбираться, кто рядом. Он просто потянет меня за собой — туда, где нет ни логики, ни спасения.

Максим закрыл блокнот и сунул его в карман. Он отодвинул пресс-папье и просмотрел бумаги на столе. В основном — счета, квитанции, расписания. Ничего интересного. Но в самом низу стопки лежал конверт. Без марки и без адреса. Он был вскрыт.

Максим вынул лист. Текст был напечатан на машинке — той самой, из кабинета Верхово.

«Ты должна была следить за ним лучше. Теперь придётся

исправлять. Жди инструкций»

Максим перечитал. Потом ещё раз. «Ты должна была следить за ним лучше». Кто — «он»? Верхов? Артём? И кто написал это письмо? Тот же, кто отправил записку Максиму? Тот же, кто забрал архив? Тот же, кто убил Верхову?

Он положил конверт в карман. Потом осмотрел шкаф. Одежда — простая, тёмная. Несколько пар обуви. В углу, на верхней полке, — коробка. Максим снял её. Внутри были фотографии. Ольга с Верховым — на фоне пансионата, улыбаются. Ольга с какими-то людьми — незнакомые лица, деловые костюмы. И одна фотография, от которой у Максима перехватило дыхание. Артём молодой, с короткой стрижкой, в больничной рубашке. Он сидел на кровати и смотрел в камеру пустыми глазами. На обороте — надпись: «Сеанс 7. После.» Дата — десять лет назад.

Максим сунул фотографию в карман. Он закрыл коробку и поставил её на место. Потом вышел из комнаты и направился в столовую.

Ольга сидела за столом. Она выглядела спокойной — слишком спокойной. Когда Максим вошёл, она подняла голову и посмотрела на него. В её глазах не было страха. Только усталость.

— Нашли что-нибудь? — спросила она.

Максим сел напротив. Он положил на стол блокнот, конверт и фотографию. Ольга посмотрела на них. Её лицо не дрогнуло.

— Это ваше? — спросил Максим.

— Блокнот — мой. Письмо — не знаю. Фотографию вижу впервые.

— Вы знали, что Верхов экспериментировал на моём брате?

Ольга молчала. Потом сказала:

— Знала.

— И вы помогали ему.

— Я вела документы. Я не участвовала в экспериментах.

— Вы знали, что он продаёт людей.

Пауза.

— Да.

Максим наклонился вперёд.

— Вы знали, что он убил дочь Алисы и Дениса?

Ольга вздрогнула. Впервые за всё время её маска дала трещину.

— Я не знала, что он убил. Я думала, что он... отправил её куда-то, как остальных.

— Отправил. Вы имеете в виду — продал.

— Да продал.

Максим откинулся на спинку стула. Он смотрел на Ольгу, и в нём боролись ярость и что-то похожее на жалость. Она была не монстром. Она была слабой женщиной, которая позволила монстру использовать себя. Но это не оправдывало её.

— Кто убил Верхову? — спросил он.

— Я не знаю.

— Вы были его любовницей. Вы жили с ним, должны были знать.

— Я знаю только то, что он боялся. В последние дни он почти не спал. Говорил, что за ним придут. Что кто-то из заказчиков решил убрать его. Он сказал, что если с ним что-то случится, я должна молчать, иначе меня тоже уберут.

— Он называл имя?

— Нет. Он никому не доверял, даже мне.

Максим встал, он забрал блокнот, конверт и фотографию.

— Вы останетесь здесь и не выходите из комнаты.

Ольга кивнула. Она не спорила, она просто сидела и смотрела в стол.

Максим вышел из столовой. В холле его ждал Игнат. Художник стоял у камина, и в его руках был альбом.

— Я должен вам кое-что показать, — сказал он тихо.

Максим подошёл. Игнат открыл альбом. На странице был рисунок — карандашный, быстрый, но точный. На нём был изображён человек, лежащий на полу. Рядом — разбитый стакан. Над человеком стоял другой — смутный силуэт, без лица, в руке силуэт держал что-то — маленький пузырёк.

— Что это? — спросил Максим.

— Я нарисовал это сегодня утром, — сказал Игнат. — Не помню, как, просто проснулся, и рука сама... Я не знал, что это, но теперь понимаю. Это смерть Верховая.

Максим взял альбом. Он взгляделся в рисунок, силуэт был

размытым, но что-то в нём было знакомым. Что-то в позе или как стоял человек. Он не мог понять, кто это. Но он знал, что это важно.

— Вы можете нарисовать его лицо? — спросил Максим. Игнат покачал головой.

— Не могу. Я не помню. Я просто... видел это во сне или в памяти. Не знаю.

Максим закрыл альбом.

— Спасибо. Это поможет.

Он направился к лестнице, чувствуя, как на плечи давит груз неотложных дел. Времени оставалось в обрез — до заката нужно было успеть сделать слишком многое. Сначала обыскать комнату Алисы и Дениса, затем заглянуть к Григорию, потом к Игнату, а после — к Елене Петровне. Две цели горели в сознании ярче остальных: найти Артёма и вычислить убийцу.

Поднявшись на второй этаж, он двинулся по коридору — комната Алисы и Дениса находилась в дальнем его конце. Подойдя, Максим постучал. Дверь приоткрыл Денис. В его взгляде читался неприкрытый страх, а лицо казалось бледнее обычного.

— Что-то случилось?

— Мне нужно осмотреть вашу комнату, — сказал Максим. — Это формальность. Но я должен.

Денис замешкался. Потом отступил в сторону.

— Проходите.

Максим вошёл. Комната была небольшой, но уютной. На кровати — раскрытый чемодан. На столе — фотография девочки Маши. Она улыбалась, и в её улыбке было что-то, от чего у Максима сжалось сердце.

— Это она? — спросил он.

— Да, — сказала Алиса. Она сидела на кровати, обхватив колени руками. — Это Маша.

Максим осмотрел комнату. Он открыл шкаф, проверил тумбочки, заглянул под кровать там не было ничего подозрительного. Но когда он открыл чемодан, то нашёл на дне папку. Он вынул её. На папке было написано: «Маша. Дневник. Копия».

— Что это? — спросил он.

Алиса подняла голову.

— Это её дневник. Мы сделали копию на всякий случай. Оригинал мы отдали вам.

Максим открыл папку. Внутри были те же страницы, что и в тетради, которую он читал. Но в конце — новые записи. Он пролистал. Последняя запись была датирована днём, когда Маша исчезла.

«Сегодня доктор сказал, что я поеду домой. Но я не верю. Я слышала, как он говорил с кем-то по телефону. Он сказал: "Она готова. Можете забирать". Я не знаю, что это значит. Но мне страшно. Я спрятала этот дневник. Если вы найдёте его — пожалуйста, найдите меня».

Максим закрыл папку. Он посмотрел на Алису и Дениса.

Они смотрели на него с надеждой. И со страхом.

— Я найду её, — сказал Максим. — Обещаю.

Он вышел из комнаты в тишину коридора. Прислонившись к стене, закрыл глаза. Усталость, злость и страх сплелись внутри, тяжёлым узлом стягивая грудь. Но сквозь эту бурю пробивалась одна твёрдая мысль: он не остановится. Ни сейчас, ни пока не найдёт Артёма, ни пока не отыщет Машу, ни пока не доберётся до убийцы.

Открыв глаза, бросил взгляд на часы. До заката оставалось шесть часов — срок, который ощущался одновременно и бесконечно долгим, и катастрофически коротким.

И он пошёл дальше, шаг за шагом, будто каждый шаг должен был приблизить его к правде.

Глава 8. Комната Григория

Комната Григория находилась в самом конце коридора, за поворотом, где свет был тусклее, а стены — темнее. Максим шёл медленно, чувствуя, как с каждым шагом растёт напряжение. Он не знал, чего ожидать. Григорий был самым непредсказуемым человеком в этом доме. Человеком без прошлого, который мог убить и не помнить об этом.

Дверь была приоткрыта. Максим толкнул её и вошёл.

Комната поражала своей просторностью — она была куда больше остальных, но при этом казалась до странности пустой. Из мебели — лишь самое необходимое: кровать, стол, стул да шкаф. Стены оставались голыми, а пол покрывали ничем не прикрытые доски. Плотная тёмная штора на окне не пропускала свет, и даже в разгар дня в комнате висел густой полумрак. В воздухе стоял запах табака, смешанный с чем-то терпким и кислым — будто помещение годами не проветривали.

Максим приступил к осмотру. Начал с кровати: под матрасом и подушкой ничего не нашлось. В тумбочке лежали пачка сигарет, спички и старая зажигалка. Ещё там оказалась маленькая фотография, бережно завернутая в ткань. Он осторожно развернул снимок. На нём была молодая светловолосая женщина, державшая на руках ребёнка — мальчика лет трёх с тёмными глазами. На обороте дрожащей рукой

было выведено: «Прости меня».

Максим убрал фотографию в карман. Кто были эти люди, он не знал. Возможно, семья Григория. Или те, кого он потерял. А может, те, чьи образы навсегда стёрлись из его памяти.

Максим распахнул дверцу шкафа. Внутри висела одежда — однотонная, тёмная, до странности безликая, будто специально подобранная, чтобы никого не выделяла. На дне шкафа стояли старые ботинки, давно потерявшие форму от долгой носки, а рядом лежала небольшая коробка. Максим достал её и открыл.

Внутри оказались бумаги — помятые, местами надорванные, с бурыми пятнами, похожими на следы влаги или грязи. Он развернул один лист. Это оказалась страница из истории болезни, исписанная характерным почерком Верховя. Дата — прошлый год.

«Пациент демонстрирует агрессивное поведение. Во время сеанса напал на медперсонал. Для стабилизации состояния пришлось применить физическую силу. После инцидента зафиксирована полная амнезия относительно событий дня. Пациент утверждает, что всё это время спал».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.